

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«ИСТОКОВ» И ДЕПАРТАМЕНТА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
ФАКУЛЬТЕТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
НИУ ВШЭ «МАКРОЭКОНОМИКА:
КРИЗИС ПАРАДИГМЫ?» (21 ИЮНЯ 2016 Г.)

Р.М. Энтов

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ
МАКРОЭКОНОМИКИ**

doi:10.17323/978-5-7598-1745-1_169-240

На нашем обсуждении присутствует сложившийся коллектив хороших макроэкономистов. По-моему, это неплохой повод для того, чтобы напомнить, что лидер, который собрал под крылом Высшей школы экономики большинство этих исследователей, неделю назад отпраздновал 80-летний юбилей. И мне кажется, что можно рассматривать нынешнее заседание как еще одно свидетельство вклада Льва Львовича Любимова в развитие макроэкономических исследований в нашем университете.

Данное сообщение с самого начала задумывалось как вступительное слово. Поэтому не стоит видеть в нем некий «доклад о состоянии современной макроэкономической теории за отчетный

период». Подобного доклада и не замыслили, да и вряд ли даже беглый обзор возможен за отведенный для выступления промежуток времени; сегодня макроэкономическая наука необычайно разрослась и обзавелась тысячами интересных теоретических моделей и серьезных эмпирических исследований. Мне хотелось бы просто привлечь внимание присутствующих к некоторым вопросам — из числа тех проблем, которые представляются особенно существенными.

Чтобы лучше осознать, что представляют собой публикации в области современной экономической науки, обратимся к любопытной, на мой взгляд, работе известного экономиста, Дэниэла Хаммермеша, который предложил общую классификацию статей в престижных экономических журналах. Статистика, которую он привел, впечатляет. Так, в 1983 г. теории было посвящено 57,6% всех статей, которые он сумел обозреть. Эмпирическим исследованиям было посвящено тогда 37,6% (остальное — методика и результаты «экономических экспериментов» и т.п.). Прошло менее трех десятилетий, и в 2011 г. теории посвящено менее пятой части всех публикаций (19,1%), а эмпирическим исследованиям — около двух третей (63,9%) всех статей¹. Аналогичные сдвиги можно наблюдать и в «статистике ссылок» (цитирования) — все больше становится доля ссылок, приходящихся на эмпирические исследования².

¹ *Hammermesh D. Six Decades of Top Economic Publishing: Who and How? // Journal of Economic Literature. 2013. Vol. 51. P. 162–172.* Тенденция к значительному снижению доли теоретических работ отмечается и в других исследованиях (см., например: *Card D., Della Vigna S. Nine Facts about Top Journals in Economics // Journal of Economic Literature. 2013. Vol. 51. P. 144–161*).

² В докладе, представленном на заседании АЭА в 2017 г., показано, что такие изменения оказываются особенно резко выраженными, если взвесить соответствующие данные с помощью индексов, характеризующих «качество» (научную значимость) журналов (см.: *Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S. Economic Research Evolves: Fields and Styles // American Economic Review. Papers and Proceedings. 2017. Vol. 107. P. 293–297*).

Заметно меняется и методика обучения. Все большая роль в теоретическом курсе отводится «строгим» методам и моделям, а при рассмотрении моделей — компьютерной экспертизе. Вот соображения нобелевского лауреата: «Студентам, изучающим начальный или промежуточный курс, это поможет освоить динамическую макроэкономику. При этом они смогут сравнивать статистические данные, характеризующие циклическое движение, в теории [моделях] и в реальной экономике. На компьютере можно построить кривые, описывающие поведение импульсных откликов»³. С другой стороны, обозреватель «Нью-Йорк таймс» не видит особого прогресса в развитии новых средств исследования и без колебаний пишет о «глубоком интеллектуальном кризисе макроэкономической теории»⁴. Впрочем, оба утверждения вряд ли можно считать абсолютно несовместимыми...

Все это неизбежно задает определенную «оптику» рассмотрения проблемы. Профессиональных исследователей сегодня особенно волнует эмпирическая *проверка* различных теоретических гипотез. В этом случае особое внимание неизбежно должно уделяться базам более или менее надежных данных, прежде всего соответствующим статистическим рядам. Вместе с тем обширная и надежная статистика требуется и для выработки текущих решений. Ограничимся следующей иллюстрацией, больше связанной с «прикладными» аспектами рассматриваемой проблемы. Так, автор еще недавно довольно популярного учебника макроэкономической теории Р. Фройен⁵ пишет, что современный читатель просто приходит в смятение, знакомясь с экономической политикой правительства Гувера. Но какими текущими статистиче-

³ *Kydland F.* Quantitative Aggregate Economics // American Economic Review. 2006. Vol. 96. P. 1382.

⁴ New York Times. 2017. 7 February.

⁵ *Froyen R.* Macroeconomics: Theories and Policies. 2nd ed. McMillan, 1986. P. 14–15.

скими рядами располагали в то время правительственные экономисты? «Обрывочными (sketchy) сведениями», — отмечает автор и перечисляет: биржевой индекс, объем грузовых автоперевозок и недостаточно полный, по оценке Фройена, индекс промышленного производства⁶.

В развитых странах с тех пор ситуация довольно радикально изменилась. Вряд ли нужно объяснять, насколько важны — не только для академических исследователей, но и для выработки текущей политики — данные национальных счетов, статистики денежных потоков (flow of funds) и др. Особенно существенным представляется то, что во многих странах обсуждение качества статистических данных — это прежде всего вопрос государственной важности⁷. Если ограничиться лишь американской статистикой цен, мог бы вспомнить хотя бы о комиссии, которую возглавлял лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглер, о комиссии М. Боскина, о панели Шульца (оба указанных экономиста в свое время возглавляли Совет экономических консультантов при президенте США). К. Ромер, Д. Ромер и Б. Бернанке неоднократно обсуждали возможности совершенствования методов денежно-кредитной политики в связи с расширением круга используемой статистической информации⁸. Вместе с тем все более широкое распространение получают базы данных частной статистики. На обширные массивы самых различных данных

⁶ К началу Великой депрессии в США даже (композитный) индекс S&P охватывал не более 90 корпораций.

⁷ Интересные теоретические соображения по этому поводу можно найти в: *Krueger A., Taylor T. An Interview with Zvi Griliches // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. P. 171–189; Griliches Z. Economic Data Issues // Handbook of Econometrics. 1986. Vol. 3. P. 1465–1514.*

⁸ См., например: *Romer C., Romer D. Federal Reserve Information and the Behavior of Interest Rates // American Economic Review. 2000. Vol. 90. P. 429–457; Bernanke B., Boivin J. Monetary Policy in a Data-Rich Environment // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50. P. 525–546.*

опираются используемые правительственными ведомствами развернутые макромоделли⁹.

Говорю обо всех этих, достаточно известных вещах, лишь потому, что и в академических исследованиях, и при принятии практических решений одной из острейших проблем у нас продолжает оставаться проблема надежного статистического обеспечения. До настоящего времени отсутствуют многие самые необходимые макроэкономические показатели, а некоторые из официально публикуемых данных явно нуждаются в обсуждении и, возможно, пересмотре методики расчетов.

Радикально изменились и методы эмпирического анализа. Первые шаги специального статистико-математического анализа воспринимались наиболее известными экономистами без особого энтузиазма. Так, можно напомнить о реакции академического мира на выход в свет фундаментального двухтомного исследования первого (наряду с Р. Фришем) лауреата Нобелевской премии по экономике Я. Тинбергена, посвященного проблеме экономических циклов¹⁰ (1939). Одним из первых на это иссле-

⁹ Так, в США "Troika" — Совет экономических консультантов при президенте, министерство финансов и Агентство по управлению и бюджету — обычно заключает контракты с рядом специализированных исследовательских центров, которые конструируют (или используют известные) структурные макромоделли и проводят соответствующие расчеты (каждый из участников, разумеется, и сам располагает высококвалифицированными экспертами); Совет управляющих ФРС чаще всего опирается на собственных специалистов-исследователей, в том числе «модельеров», а также на впечатляющие вычислительные мощности. Многие из этих расчетов широко доступны. Так, подвешенный в Интернете ежегодный экономический доклад президента США содержит более 100 таблиц и диаграмм, иллюстрирующих результаты специальных расчетов экспертов СЭК, статистических служб, американских и зарубежных аналитических центров. Кроме того, в приложении к отчету можно найти несколько сотен «длинных» статистических рядов (многие содержат ежегодные данные с 1945 г.).

¹⁰ *Tinbergen J. Statistical Testing of Business-Cycle Theories // League of Nations. 1939. Vol. I–II.*

дование отозвался Дж.М. Кейнс, опубликовавший чрезвычайно содержательную статью в "The Economic Journal"¹¹. В целом английский патриарх, опубликовавший тремя годами ранее свою быстро обретающую статус классического труда «Общую теорию...», положительно оценил результаты исследования. Однако Дж.М. Кейнс, активно интересовавшийся некоторыми математическими проблемами¹², несколько надменно отверг новые (в те времена) эконометрические методы анализа, окрестив их «статистической алхимией»¹³.

И все же начиная с 1950-х годов можно проследить быстро ускорявшееся победное шествие формально-статистических методов исследования. Автором одного из наиболее популярных учебников эконометрии стал энергичный и талантливый Лоуренс Клейн. В последующий период его эконометрические модели (особенно грандиозная мировая модель Link) получили всеобщую известность. В 1980 г. ему была присуждена Нобелевская премия за составление и применение экономических моделей. С этого времени некоторые премии (2000 и 2003 гг.) стали присуждаться уже «чистым эконометрикам».

Еще более существенно, по-видимому, следующее обстоятельство. Сегодня Нобелевские премии получают те исследователи, которые не просто используют прежнюю технику анализа, а предлагают новые интересные эконометрические методы. Так, лауреат Нобелевской премии 2011 г. Томас Сарджент внес важ-

¹¹ *Keynes J.M. Professor Tinbergen's Method // The Economic Journal. 1939. Vol. 49. P. 558–568.*

¹² См.: *Макашева Н.А.* От «логики вероятности» к «экономической теории неопределенности»... // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 355–378.

¹³ Более подробно отношение Дж.М. Кейнса к эконометрическим методам рассматривается в содержательной статье: *Patinkin D. Keynes and Econometrics: On the Interaction between the Macroeconomic Revolutions of the Interwar Period // Econometrica. 1976. Vol. 44. P. 1091–1123.*

нейший вклад в разработку эконометрической модели рациональных ожиданий. Другим лауреатом в том же году стал Кристофер Симс, который впервые ввел в рассмотрение исследователей *VAR*-модели — ими которыми сегодня пользуется большинство специалистов в сфере макроэкономической теории. Среди лауреатов следующей Нобелевской премии я бы особо выделил Ларса Петера Хансена, который ввел в научный оборот обобщенный метод моментов (конструирование «обычного» метода моментов связывается еще с именем Карла Пирсона). Нетрудно и далее продолжать указанный список.

И еще одно соображение, тесно связанное со сказанным. Новые публикации носят, как правило, более узкий специализированный характер. Речь идет совсем не о каком-то презрительном отношении «всезнающего теоретика» к «техническим» проблемам. Просто развитие науки неизбежно предполагает «ветвление», выделение все новых полей исследования и соответствующих специфических проблем. Указанную эволюцию нетрудно проследить на примере весьма авторитетного «Справочника по макроэкономической теории», выпускаемого издательством Elsevier (согласно некоторым расчетам, подвешенный в Интернете текст занимает первое место среди экономических публикаций). В первый том — три обширных выпуска, опубликованных на пороге нового столетия, вошли статьи по важнейшим теоретическим проблемам макроэкономической теории. Можно сослаться, например, на превосходную главу Р. Солоу о теориях экономического роста, на главы, посвященные теории потребления, теории инвестиций и др. Второй том (два выпуска, вышедшие в свет к началу 2017 г.) в гораздо большей степени посвящен, без сомнения, чрезвычайно существенным, но более узким вопросам: роли факторных моделей в макроэкономике, проблемам переключения макроэкономических режимов, методам эконометрического исследования распространения шоков, рекурсивным контрактам, оценке параметров в модели *DSGE* и т.п.

О том же, по-видимому, может свидетельствовать и структура ссылок на статьи в академических журналах: в выборке за 1970–2005 гг. среди работ, на которые сослалось свыше 2 тыс. авторов, — это исследования проблем гетероскедастичности, коинтеграции, ошибок спецификации, оценок в авторегрессиях, единичных корней, моделей *ARCH*, тестов спецификации (Хаусмана) и т.п. Более половины из 11 наиболее часто упоминаемых работ (ссылки на каждую из этих работ содержались более чем в 2 тыс. статей) были опубликованы в журнале “Econometrica”¹⁴.

* * *

Обращаясь к истории современной экономической мысли, нетрудно заметить, что уже к середине 1930-х годов некоторые авторы стали выделять специфику рассматриваемых проблем с помощью добавляемой в начале соответствующего термина приставки «макро». Так, М. Калецкий в заголовке своей статьи в журнале «Эконометрика» (1935) использовал термин «макродинамика». Однако обнаружившаяся со времени К. Викселя и И. Фишера глубокая расщелина приобрела форму несовместимости теории цен и («макроэкономической») денежной теории. Дж.М. Кейнс в 21-й главе «Общей теории» сравнивает теорию ценности и теорию денег и цен с двумя сторонами Луны. Особенно существенно при этом, что у экономистов отсутствует, как замечает Кейнс, представление о том, «какая же дорога связывает обе эти стороны...»¹⁵. Дальнейшее развитие теоретических моделей не приносило утешительных новостей¹⁶.

¹⁴ Kim E., Morse A., Zingales L. What Has Mattered to Economics since 1970 // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. P. 192.

¹⁵ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. С. 367.

¹⁶ См.: Samuelson P.A. Classical and Neoclassical Harmonies and Dissonances // European Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 14. No. 2. P. 243–271.

Со времени выделения макроэкономики в особую область экономической науки соотношение между макроэкономическим и микроэкономическим подходами становится предметом активной дискуссии. Публикация в 1948 г. в журнале "Econometrica" основательной статьи Д. Патинкина¹⁷ положила начало обсуждению «классической дихотомии». Автор показал, что подобная дихотомия, по существу, предполагает, что процессы, протекающие в реальном секторе, скажем, изменения физического объема ВВП, в долгосрочном плане не должны зависеть от «номинальных» переменных, например, от движения денежной массы (цен)¹⁸.

Дело осложнялось тем, что, по убеждению многих авторов, одна из рассматриваемых систем (микроэкономическая) обладает внутренней когерентностью, тогда как другая (макроэкономическая), по-видимому, лишена внутреннего единства. Уже в 1960-х годах в обзорной статье, посвященной изданию собрания работ П. Самуэльсона, Кеннет Эрроу заметил, что отношение между микроэкономическим и макроэкономическим подходами может быть описано как «один из главных скандалов в современной теории цен»¹⁹. В результате микро- и макроразделы теории, разойдясь в разные стороны, превратились в *обособленные* самостоятельные дисциплины²⁰.

¹⁷ *Patinkin D. Relative Prices, Say's Law, and the Demand for Money // Econometrica. 1948. Vol. 16. P. 135–154.*

¹⁸ Некоторые авторы используют указанное предположение при формулировании долгосрочных ограничений в эконометрических моделях, например, в *SVAR* (см.: *Blanchard O., Quah D. The Dynamic Effects of Aggregate Supply and Demand Disturbances // American Economic Review. 1989. Vol. 79. P. 655–673.*)

¹⁹ *Arrow K. Samuelson Collected // Journal of Political Economy. 1967. Vol. 75. P. 734.*

²⁰ В этих дисциплинах, как отмечает Дж. Стиглиц, «используются различные модели, и выводы, полученные с их помощью, также оказываются неодинаковыми» (*Stiglitz J. Free Fall: America, Free Markets, and Sinking of the World Economy. Norton, 2010. P. 277.*)

«Скандал» проявился (и во многом сохраняется по сей день), и в игнорировании классическими макроэкономическими моделями как стимулов, так и особенностей реакции отдельных участников. Так, Дж. Акерлоф свой президентский доклад АЭА (2006) назвал «Отсутствующая мотивация в макроэкономической теории». В докладе отмечаются явные «нестыковки» между выводами современной макротеории и элементарными посылами относительно максимизации полезности (прибыли) отдельными потребителями (предпринимателями). Стремясь к использованию «экономичных» (*parsimonious*) теоретических конструкций (термины «Методологии позитивной экономической науки» М. Фридмена), сторонники такого подхода «предпочитают модели без норм»²¹. Акерлоф, судя по контексту, имеет в виду прежде всего правовые и социально-психологические нормы, которыми руководствуются микроэкономические агенты, принимающие те или иные решения. Между тем такие нормы, несомненно, оказывают влияние на движение макроэкономических переменных, и тем не менее они просто отсутствуют в теоретических моделях.

С выходом важнейших теоретических манифестов «новой классической школы» наметились существенные изменения. К числу несомненных заслуг «новой классической школы», по-видимому, следует отнести достаточно четкую постановку вопроса о микроэкономических основаниях макротеории. Вопрос о соотношении микротеории и макротеории относится, по-видимому, к числу принципиальных и достаточно сложных. Сторонники нового направления обнаруживали некоторую напористость, настаивая на строгом использовании логики неоклассических микромоделей (так, Р. Барро в своем учебнике макроэкономической теории прямо осуждает «многие базовые пособия»

²¹ *Akerlof G. The Missing Motivation in Macroeconomics // American Economic Review. 2007. Vol. 97. P. 28.*

за то, что их авторы, рассматривая макроэкономические явления и процессы, «не следуют этому общему подходу»²²).

С развитием техники макроэкономического анализа все острее ощущается необходимость в достаточно строгой и полной спецификации микроэкономических оснований. Ограничимся одним примером — «информационными трениями» в моделях, описывающих функционирование различных механизмов и соответственно каналов на рынках капитала. Опыт последней рецессии в США свидетельствовал о том, насколько разрушительными могут оказаться скачки ожиданий, рыночных процентных ставок и обесценение соответствующих активов. Следует ли непредвиденные скачки («шоки») процентных ставок — фактора дисконтирования относить к числу базовых факторов (“fundamentals”) или просто к шумам в каналах информации? Дж.-М. Энжелетос и К. Лайэн справедливо отмечают: «Рассмотрение подобного вопроса имеет смысл лишь при полной спецификации модели микроэкономических оснований, на которые опирается модель»²³.

Стремление к более строгой «оптике» теоретического анализа и к четкому формулированию микроэкономических оснований макромоделей, продемонстрированное Р. Лукасом и Т. Сарджентом, заслуживает всемерной поддержки²⁴. Формулирование таких оснований, по существу, предпо-

²² Barro R. *Macroeconomics*. 4th ed. Wiley, 1993. P. 17–18.

²³ Angeletos J.M., Lian C. *Incomplete Information in Macroeconomics: Accomodating Frictions in Coordination // Handbook of Macroeconomics*. 2006. Vol. 2A. P. 1110.

²⁴ При этом следует признать: в ряде случаев подобное стремление может приобретать несколько гротескные формы. Так, П. Шпан отмечает: «Племя Эконов (термин А. Лейонхувуда, использованный им еще в начале 1980-х годов. — Р. Э.) отвергает теории, использующие такие макропеременные, которые не выведены непосредственно из максимизации полезности, — предполагается, что подобные концепции используют ad hoc теории, лишённые “соответствующих микрооснований”» (*Spahn P. The New Keynesian*

лагает, по мнению Р. Барро, формулирование условий, которые позволяют обеспечить непротиворечивость, согласованность использования *агрегатных* макроэкономических характеристик — “aggregate-consistency conditions”. Сторонники новой классики полагали, что, заложив в основу всей теоретической системы (Вальрасовы) модели и механизмы достижения равновесия — максимизацию целевой функции и полную «расчистку» рынка (market clearing), — удастся преодолеть внутренние конфликты между макро- и микроэкономическим подходами и тем самым устранить, наконец, основу давно обнаружившегося «скандала».

Использование предпосылок и теоретических конструкций общего равновесия в качестве базовых микрооснований экономической теории сегодня представляется достаточно естественным. В свое время из классической механики равновесные модели перешли в другие области физики, химию, биологию и другие науки. Разработка моделей общего равновесия, вне сомнения, внесла важнейший вклад в развитие экономической теории и по-

Microfoundations of Macroeconomics // Jahrbuch für Wirtschaftswissenschaften. 2009. Vol. 60. P. 181).

Некоторые авторы высказывают сомнения по поводу самой необходимости поисков микрооснований. «Так, термодинамика и химия превосходно обходятся вообще без развитой микротeorии. В науке существуют ситуации, когда гипотезы относительно регулярно наблюдаемых на практике зависимостей формулируются и непосредственно проверяются на макроуровне» (*Blinder A. Keynes, Lucas, and Scientific Progress // American Economic Review. Papers and Proceedings. 1987. Vol. 77. P. 135*). Развернутую аргументацию, направленную против поисков микрооснований, можно найти в: *King J. The Microfoundations Delusion: Metaphor and Dogma in the History of Macroeconomics. Elgar, 2014*.

Указанные аргументы и аналогии представляются достаточно спорными. Вместе с тем еще более неприемлемым оказывается, по-видимому, противоположный подход, проявляющийся в различных попытках сведения («редукции») макропроцессов к микровзаимодействиям, что напоминало бы, скажем, стремление редуцировать термодинамические процессы к взаимодействиям, рассматриваемым квантовой механикой.

следовательное изложение микрооснований²⁵. Исследования Р. Лукаса, Т. Сарджента, Э. Прескотта, Р. Барро помогли закрепить этот фундаментальный каркас теоретической системы. Сама идея отыскания «единых оснований» всей экономической теории представляется, конечно, чрезвычайно привлекательной.

Но удалось ли действительно устранить «скандал»? Боюсь, что такой вывод был бы слишком оптимистичным. Трудно разделить ликующий тон некоторых сторонников «новой классики», рапортующих с первых строк о поразительных успехах макроэкономической науки, сумевшей, наконец, «прочной опереться на принципы экономической теории»²⁶.

Конечно, предложенная теоретическая система — «макрошкола совершенных рынков», по удачному выражению Дж. Стиглера, — может соответствовать взыскательным эстетическим критериям²⁷. Однако, обретая немислимую универсальность, предположения относительно максимизирующего поведения участников хозяйственного процесса и складывающегося общего равновесия, по существу, сводятся к, казалось бы, достаточно простому вопросу — вопросу о формулировке ограничений в со-

²⁵ Уже в 1970-х годах, в период издания «классических» работ Лукаса, появились публикации, основательно изучавшие возможности использования моделей общего равновесия при анализе макроэкономических проблем, — достаточно сослаться на исследования Ф. Хана (см., например: *Hahn F. Keynesian Economics and General Equilibrium Theory: Reflections on Some Current Debates* // G. Harcourt (ed.). *The Microeconomic Foundations of Macroeconomics*. 1977). Ряд интересных аспектов проблемы впоследствии выявлен в монографии: *Janssen M. Microfoundations: A Critical Inquiry*. London: Routledge, 1993.

²⁶ *Chari V., Kehoe P. Modern Macroeconomics in Practice: How Theory Is Shaping Policy* // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20. P. 3.

²⁷ Сторонникам указанного подхода присущ, по мнению А. Блайндера, особый «интеллектуальный эстетизм». Роль критерия эстетичности, «красоты» в развитии науки особо отмечалась основателями квантовой физики (см.: *Гейзенберг В. Значение красоты в точной науке* // Гейзенберг В. *Избранные философские работы*. М.: Наука, 2006. С. 201–213).

ответствующих моделях, описывающих принятие индивидуальных решений. Постепенно понятие равновесия, все больше утрачивая характеристики той или иной реальной ситуации, превращается, как отметил в одном из своих интервью Р. Лукас, просто в описание самого «способа видения (vision)» вещей²⁸.

Тем самым определяется и подход к проблеме, метод ее рассмотрения. Несомненно, каждый исследователь может предложить «свою» интерпретацию равновесия и «свои» модели. Но здесь может появиться и некоторая подмена предмета обсуждения. Не пытаясь погрузиться в рассмотрение общего подхода и методологии исследования, обратимся лишь к вопросу о том, всегда ли можно ограничиться не просто особенностями «равновесного видения», но конкретными характеристиками теоретического анализа, которые *предполагают стандартную систему общего равновесия*. При этом, может быть, стоило бы принять во внимание соображения Л. Хансена и Дж. Хекмана (оба — нобелевские лауреаты): многое в современных микроэкономических исследованиях по своему характеру не может считаться теорией (“is atheoretical in character”) и не очень «стыкуется» с макроэкономической [так у авторов] теорией общего равновесия²⁹. Определяемое таким образом равновесие обычно сводится к тому или иному варианту классической Вальрасовой системы. Подобный подход чаще всего оказывается просто недостаточным для выяснения особенностей *макроэкономической* динамики. (Во многих случаях не спасают и модификации, предлагаемые различными версиями *DSGE*.) Вместе с тем по мере развития нового теоретического направления все

²⁸ См.: *Snowdon B., Vane H. Modern Macroeconomics: Its Origins, Development and Current State. Elgar, 2005. P. 281.* Заметим, что и Дж.М. Кейнс, в котором Р. Лукас видит своего главного оппонента, как известно, любил повторять, что сама экономическая теория, по существу, представляет просто «технику мышления» (a technique of thinking).

²⁹ *Hansen L., Heckman J. The Empirical Foundations of Calibration // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. P. 100–101.*

отчетливей вырисовывалась проблема недостаточной реалистичности предлагаемых моделей. Характеризуя общее направление, в котором эволюционирует современная теория, Дж. Тобин заметил: «На самом деле Пигу был экономистом, высказывавшим гораздо более благоразумные и правдоподобные (plausible) суждения, чем Лукас и некоторые другие “новые классики”»³⁰.

Так, равновесный подход не означает и, по-видимому, не может означать, что в реальной жизни исследователь всегда предполагает обнаружить в равновесном состоянии любой сегмент хозяйственной системы. С содержательной точки зрения традиционные равновесные подходы могут оказаться недостаточными, например, для поиска новых источников или механизмов распространения обнаружившегося макроэкономического *неравновесия*. Авторы основательного обзора исследований, посвященных макроэкономическому моделированию цикла, напоминают о роли микрооснований, определяющих спецификацию исходной модели: «Возможности выявления подлинных механизмов распространения (propagating mechanisms) с помощью равновесных моделей обеспечиваются их правильной спецификацией и, вероятно, меньше связаны с выбором тех или иных эконометрических методов»³¹.

Напомним, что в центре «скандала» неизменно оказывалась классическая дихотомия — раздельное рассмотрение реального и денежного секторов экономики. И хотя монетарные шоки играют существенную роль в модели циклов Р. Лукаса, указанные шоки носят экзогенный характер. «Островная» модель Лукаса позволяет рельефней выделить роль неожиданных изменений в сфере предложения денег. И все же феномен денег по-прежнему плохо

³⁰ Inside the Economist's Mind. Conversations with Eminent Economists / ed. by P. Samuelson, W. Barnett. Blackwell, 2007. P. 400.

³¹ Ng S., Wright J. Facts and Challenges from the Great Recession for Forecasting and Macroeconomic Modeling // Journal of Economic Literature. 2013. Vol. 51. P. 1145.

вписывается в равновесные конструкции. В статье, посвященной проблемам ликвидности (1990), Р. Лукас, по существу, прямо признает указанное обстоятельство. Можно сослаться в связи с этим и на безуспешные попытки Н. Уоллеса интегрировать функционирование денег в теоретическую структуру системы Эрроу — Дебрё. Лишь очень немногие соображения «новых классиков» в области денежной теории, как заметил более трех десятилетий назад Ф. Хан, «сформулированы на сколько-нибудь убедительном уровне общности... Доктрина нейтральности, равно как и исключения из правила, разумеется, заслуживают дальнейшего исследования»³².

Многие представители новой ортодоксии явно склонны не только обособить, но и отодвинуть на задний план процессы, протекающие в денежной сфере. В особенно большой степени это относится к сторонникам теории «реального цикла»; так, влияние денежных рынков и денежно-кредитной политики на общий ход хозяйственного развития в их эконометрических моделях нередко оказывается маргинальным. Между тем признание важной роли реальных шоков отнюдь не предполагает пренебрежительного отношения к номинальным. Более того, в конечном счете большинство шоков в рыночной хозяйственной практике так или иначе принимает форму денежных дисбалансов³³.

С другой стороны, и попытки конструирования микроэкономических оснований, предпринимаемые сторонниками неокейнсианской теории, также не смогли пока продемонстрировать впечатляющих результатов, причем наименьшего продвижения,

³² *Hahn F.* The Foundations of Monetary Theory // *Monetary Theory and Economic Institutions* / ed. by M. de Checco, J.-P. Fitoussi. International Economic Association, 1987. P. 22.

³³ Серьезный критический анализ подходов, предполагающих, по существу, «изгнание» эффектов, описываемых денежной теорией, из моделей делового цикла, можно найти в: *McCandless G.* The ABC of RBC: An Introduction to the Dynamic Macroeconomic Models. Harvard University Press, 2008.

по-видимому, удалось добиться как раз в денежной теории. Д. Патинкин писал: «Предположения кейнсианской денежной теории обладают меньшей общностью, чем “Общая теория”, а также более поздние работы последователей Кейнса пытались нас убедить»³⁴. По сей день, на мой взгляд, эта оценка во многом остается справедливой. Как «Общая теория денег», так и основные соображения относительно роли центрального банка (той самой фабрики, которая производит «зеленый сыр»), по-видимому, не смогли обеспечить полного преодоления классической дихотомии.

Обсуждая указанную тему, можно обратиться, в частности, к специфическому языку макроэкономики и к проблемам агрегирования. Так, Г. Эккли в своем учебнике писал о том, что макроэкономические модели всегда должны включать существенно меньше переменных, чем микроэкономические модели. Сегодня известный эксперт, автор распространенных учебников О. Бланшар призывает к «реабилитации» в макроэкономической теории моделей частичного равновесия, чтобы от них затем двигаться к общему равновесию³⁵. На практике постулирование микрооснований большинства моделей и сегодня осуществляется *ad hoc*. Исследователи обычно просто полагают, «что микроэкономические основания зависят от контекста, а наблюдаемая упорядоченность сложной системы возникает спонтанно»³⁶.

³⁴ *Patinkin D.* Money, Interest and Prices. An Interpretation of Monetary and Value Theory. 2nd ed. Harper & Row, 1965. P. 25.

Наряду с этим некоторые авторы (Ф. Хан, Д. Коландер, Дж. Кинг и др.) подчеркивают *двусторонний* характер связей между обособившимися разделами науки, предлагая рассмотреть и макроэкономические основы микроэкономики.

³⁵ *Blanchard O.* The State of Macro // Annual Review of Economics. 2009. Vol. 1.

³⁶ *Коландер Д.* Экономическая наука нового тысячелетия: как она начала свой путь и каков он? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 394–395.

И вообще, исходя из строгих критериев, введенных новыми классиками, допустимы ли в принципе процедуры агрегирования (особенно на рынках труда³⁷)? В какой степени оправдано использование в теоретических построениях, включая модели DSGE, самых элементарных посылок Вальрасовых моделей общего равновесия (как тут не вспомнить о выводах, следующих из известной теоремы Зонненшайна — Мантеля — Дебрё³⁸) и т.п.? Особенно уязвимой оказывается широко распространенная логика, описывающая принятие решений неким единым «репрезентативным» потребителем (предпринимателем)³⁹. «Вновь и вновь макроэконометрики подчеркивают, что определяющей чертой микроданных оказывается их неоднородность...»⁴⁰.

³⁷ Важные соображения по поводу методики агрегирования на рынках труда приведены в: *Sungbae A., Chang Y., Kim S.-B. Can a Representative-Agent Model Represent a Heterogeneous-Agent Economy? // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. P. 29–54.* Любопытные расхождения в предполагаемых микрооснованиях, на которых базируются исследования рынков труда, можно наблюдать и между именитыми представителями «новой классики» (см., например: *Ljungqvist L., Sargent T. An Open Letter to Professors Heckman and Prescott, 19.07.2014. <http://www.tomsargent.com/research/openletter_H&P.pdf>*).

³⁸ Неоднократно упоминавшийся выше соавтор К. Эрроу в монографии, посвященной теории общего равновесия, Ф. Хан видит в указанной теореме самую большую угрозу введенной новыми классиками трактовке «микроэкономических оснований» (см.: *Hahn F. Revival of Political Economy: The Wrong Issues and the Wrong Argument // The Economic Record. 1975. Vol. 51. P. 360–364.*)

³⁹ Как справедливо замечает автор основательного обзора, посвященного проблемам агрегирования, за динамикой каждого такого показателя всегда стоит множество различных индивидуальных «историй». Вообще, «модели, использующие логику репрезентативного агента, никогда не смогут опереться на прочные основания, обеспечиваемые одной лишь экономической теорией» (*Stoker T. Empirical Approaches to the Problem of Aggregation over Individuals // Journal of Economic Literature. 1993. Vol. 31. P. 1569.*)

⁴⁰ *Fernandes-Villaverde J. Horizons of Understanding: A Review of Ray Fair's "Estimating How the Macroeconomy Works" // Journal of Economic Literature. 2008. Vol. 46. P. 699.*

Регламент выступления не позволяет, к сожалению, обсудить более общую проблему — возможности и границы общей теории, обычно используемой при формулировании сколь угодно реалистичных микрооснований⁴¹. Ограничусь лишь язвительной метафорой одного из исследователей: сегодня экономисту предстоит увидеть «одинокого репрезентативного агента, который стоит на обнаженной пустынной сцене, подсвечиваемой прожектором математики, и задает себе мучительные вопросы...». Знаю, я прибег к оптимизации — в здравом ли я уме? (“is that all there is?”)⁴².

Существенным представляется и следующий аспект: попытки последовательно «низвести» взаимодействие агрегированных переменных до самой упрощенной логики рациональных поступков отдельных участников (потребители максимизируют полезность, предприниматели — ожидаемый доход и т.п.; вместе с тем фиксируются соответствующие ограничения) явно недостаточны для построения полной системы микрооснований. Сведение реальных процессов к указанной элементарной логике может оттеснить на задний план исследование более сложных ситуаций, связанных, например, с информационными проблемами⁴³, с «поведенческими особенностями», характеризующими действия различных групп участников, и др.

⁴¹ Вместе с тем немалый интерес представляют, по-видимому, первые попытки моделирования микрооснований. Ряд исследований последних лет посвящен обнаруживающимся при этом рискам, в том числе риску «точной настройки» (tweaking) (см., например: *Epstein B., Forber P. The Perils of Tweaking: How to Use Macrodatta to Set Parameters in Complex Simulation Models // Empirical Economics. 2013. Vol. 190. P. 203–218.*

⁴² *Leijonhufvud A. Three Items for Macroeconomic Agenda // Kyklos. 1998. Vol. 51. P. 199.*

⁴³ См.: *Grossman S., Stiglitz J. On the Impossibility of Informationally Efficient Markets // American Economic Review. 1980. Vol. 70. P. 393–408; DeLong B., Shleifer A., Summers L., Waldmann R. Noise Trader Risk in Financial Markets // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. P. 703–738.*

Особенно существенно, по-видимому, не упустить из виду «микропружины» специфических неравновесных механизмов, особенно тех, действие которых обнаруживается на *макро*-уровне. Не входя в более подробное рассмотрение этой темы, сошлемся лишь на отдельные (разнородные) примеры: мультипликационно-акселерационные взаимодействия, результаты которых явственным образом сказываются на общем ходе хозяйственного развития; информационные каскады и «пузыри» на рынках активов; паника и формирование цепи банкротств и т.п. И в какой мере рациональны действия участников банковской или биржевой паники? Требуемая система микрооснований, разумеется, должна быть достаточно «основательной», но — вопреки различным редукционистским схемам — это отнюдь не исключает несомненную самостоятельность другого, *самостоятельного* раздела экономической науки — макроэкономической теории⁴⁴.

Да и вообще, по-видимому, не стоило бы забывать о том, что в реальной жизни «макроэкономика формировалась в ходе изучения крупномасштабных экономических патологий»⁴⁵. Важнейшим фактором появления новых серьезных макроэкономических исследований неизменно оказывались такие формы неравновесия и острых конфликтов, как массовая безработица и наличие обширных неиспользуемых производственных мощностей, инфляция, грозившая выйти из-под контроля,

⁴⁴ Сомнения вызывают радикальные суждения вроде следующего: «Сегодня макротеория представляет собой приложение (application) микро-теории» (Journal of Economic Literature. 2008. Vol. 46. P. 409). Аналогичные попытки полностью свести макрофеномены к комбинации микрособытий можно наблюдать и в социологической теории (см.: Collins R. On the Microfoundations of Macrosociology // American Journal of Sociology. Vol. 86. P. 984–1014).

⁴⁵ Hahn F., Solow R. A Critical Essay on Modern Macroeconomic Theory. MIT Press, 1997. P. 2.

финансовые кризисы, резкое обострение социальных проблем и т.п.⁴⁶ До настоящего времени все эти «дисбалансы» и несоответствия плохо описывались существующими моделями общего равновесия. Отказ от изучения равновесий с неполным использованием ресурсов и стремление «новой классической теории» уложить сложные неравновесные процессы в прокрустово ложе элементарных микрооснований неизбежно ведут к оттеснению на задний план упомянутых реальных проблем⁴⁷. Вместе с тем чрезвычайно интересной оказывается разработка микрооснований в тех случаях, когда, например, рассмотрение макроэкономических проблем наталкивается на провалы рынка⁴⁸.

Со второй половины 1980-х годов сторонники кейнсианского подхода предлагают различные версии «неокейнсианских микрооснований»⁴⁹. Теоретические проблемы конструирования

⁴⁶ Сопоставим указанный перечень с благолепием, проистекающим, например, из простейшей макромоделли экономического роста, которая предложена Р. Лукасом. К «нетривиальным выводам» относительно последующего поведения мировой экономики автор относит следующие: «Раньше или позже каждая экономика подключится к промышленной революции, экономика всех стран будет расти такими же темпами, как у богатейших государств, и относительные различия в уровнях доходов исчезнут» (*Lucas R. Some Macroeconomics for the 21st Century // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. P. 166*). Подобные контрасты вряд ли удастся полностью свести просто к различиям в анализе краткосрочных и долгосрочных процессов.

⁴⁷ Так, «новая классическая теория видит в недобровольной безработице феномен, невозможный с точки зрения логики...» (*Akerlof G. Behavioral Macroeconomics and Macroeconomic Behavior // American Economic Review. 2002. Vol. 92. P. 414*).

⁴⁸ См., например: *Acemoglu D. A Microfoundation for Social Increasing Returns in Human Capital Accumulation // The Quarterly Journal of Economics. 1996. Vol. 111. P. 779–804*.

⁴⁹ См., например: *Rothenberg J. The New Keynesian Microfoundations // NBER Macroeconomic Annual / ed. by S. Fischer. 1987. P. 69–116; Mash R. New Keynesian Microfoundations Revisited. Oxford University, Department of*

соответствующего равновесия при этом оказываются достаточно сложными. В свое время Дж. Тобин заметил: в макроэкономике аппарат общего равновесия часто оказывается «слишком общим»; он не позволяет определить существенные конкретные результаты, хотя бы выяснить, например, направление изменений, вызванных действием того или иного экзогенного фактора⁵⁰.

Характеризуя современные модели общего равновесия, Р. Солоу саркастически замечает: «В экономической теории всегда существовала склонность к “пуризму”: авторы хотят, чтобы все проистекало из алчности, рациональности и равновесия и никаких “если”, “и” или “но”... Теория оказывается аккуратной, поддающейся изучению (*learnable*), не слишком сложной, но достаточно “технологичной”, чтобы почувствовать себя наукой»⁵¹. Теоретическая строгость микрооснований к тому же существенно зависит от поставленных задач и оптимизирующих процедур: если модель используется, скажем, в прогнозных целях, она на глазах преобразуется — ее структура модифицируется при выборе той или иной стратегии калибрования; полученные выводы как бы впитывают результаты не всегда достаточно строгой методики эмпирических наблюдений и т.п.

Большие надежды возлагались на динамические стохастические модели общего равновесия (*DSGE*). М. Вудфорд и некоторые другие авторы видели в указанных моделях свидетельство движения к сближению противостоящих друг другу макроэкономи-

Economics. Discussion Paper No. 174. 2003; *Hands W.* The Rise and Fall of Walrasian Microeconomics: The Keynesian Effect; *De Vroey M.* Macrofoundations: A Decisive Dividing Line between Keynesian and Neoclassical Macroeconomics, both in: *Microfoundations Reconsidered: The Relationship of Macro and Microeconomics in Historical Perspective* / ed. by P. Duarte, G. Lima. Elgar, 2014.

⁵⁰ *Tobin J.* Cycles in Macroeconomic Theory // *Indian Economic Review*. 1985. Vol. 20. P. 18.

⁵¹ *Solow R.* The State of Macroeconomics // *Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22. P. 244–245.

ческих концепций и «новому синтезу»⁵². Прямо перед кризисом 2007—2009 гг. В. Чари и П. Кихоу писали о том, что «современные» эконометрические модели, использующие теорию общего равновесия, впервые позволили вывести анализ далеко за узко определявшиеся ранее рамки макроэкономической теории⁵³.

В этом сообщении невозможно, разумеется, ни сколько-нибудь подробно рассмотреть «технология» построения сложных моделей, ни оценить их достоинства и недостатки. Отметим лишь, что использование нового подхода знаменовало важный шаг в построении макроэкономических моделей с достаточно четко очерченными микрооснованиями. Вместе с тем использование *DSGE* для прогнозирования может свидетельствовать о наличии отмеченных выше проблем: с их помощью, по существу, изучается влияние некоторых отклонений на функционирование уравновешенного и уравновешивающего «ядра» экономики.

Предпосылки для нарастания неравновесия чаще всего отсутствуют. Чрезвычайно сложно, как отмечал еще Дж. Тобин, выявить даже направление отклика на одновременное воздействие нескольких разнородных импульсов. Не случайно П. Кругман, О. Бланшар и другие авторитетные экономисты предлагают, по крайней мере, дополнить (и проверить) расчеты, проведенные на базе *DSGE*, используя при этом более прозрачные и ранее испытанные эконометрические модели — обычно модели, опирающиеся на более реалистичные теоретические предпосылки и обладающие большей гибкостью и обозримостью⁵⁴.

⁵² См.: *Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. P. 267—279.*

⁵³ *Chari V., Kehoe P. Modern Macroeconomics in Practice: How Theory Is Shaping Policy // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. P. 3—28.*

⁵⁴ «Тезисный» анализ реальных возможностей, предоставляемых современными моделями *DSGE*, содержится, например, в: *Blanchard O. Do DSGE Models Have a Future? // PIIE Policy Brief. August 2016.* По мнению

Особенно много проблем возникает при попытках моделирования экономического цикла. Ряд исследователей даже ставит под сомнение возможности описания эндогенных циклических механизмов с помощью стандартных *DSGE*⁵⁵. Авторы одной из самых известных моделей *DSGE* признают, что в базовом (benchmark) варианте уравнения неудовлетворительно описывали как последнюю рецессию, так и последующий выход экономики из кризисного состояния. В своей главе, недавно опубликованной во втором томе «Справочника по макроэкономике», Дж. Линде, Ф. Сметс и Р. Воутерс отвергли линейные соотношения, опирающиеся на характеристики нормального распределения; теперь они предлагают марковские модели, предусматривающие возможности «переключения» соответствующих режимов⁵⁶.

Переход к всеобщему использованию моделей *DSGE* в последнее время вызывает нарастающий шквал их критики. Подавляющее большинство авторов соглашается с тем, что современная макроэкономическая модель действительно должна обладать динамикой и носить стохастический характер. Но, как утверждает ряд исследователей, до настоящего времени наиболее известные версии *DSGE* не могли сколько-нибудь внятно предсказать вообще ни одного серьезного падения хозяйственной активности⁵⁷.

П. Кругмана, макроэкономическая теория прежних времен (old-time macroeconomics) «сегодня выглядит лучше чем когда-либо» (см.: *Krugman P. That Old-Time Economics // New York Times. 2015. April 17*).

⁵⁵ См., например: *Mayer E., R  th S., Scharler J. Total Factor Productivity and the Propagation of Shocks: Empirical Evidence and Implications for the Business Cycle // Journal of Macroeconomics. 2016. Vol. 50. P. 335–346*.

⁵⁶ Более подробно см.: *Linde J., Smets F., Wouters R. Challenges for Central Banks' Macromodels // Handbook of Macroeconomics. Vol. 2B. Elsevier, 2016. P. 2183–2262*.

⁵⁷ См., например, интересный анализ проблемы в: *Hendry D., Muellbauer J.N.J. The Future of Macroeconomics: Macro Theory and Models at the Bank of England // Oxford Review of Economic Policy. 2018. Vol. 34; Saint-*

Претензии к существующим моделям постепенно ужесточаются. Сторонники «новой классики» видели отличительную черту *DSGE* в строгом следовании теории, между тем противники теперь утверждают, что «базовые (core) модели *DSGE* вообще не могут считаться хорошей теорией». И что представляется в данном контексте особенно существенным — на передний план вновь выдвигается проблема выбора реалистичных микрооснований. «Хорошая теория, — отмечает Дж. Стиглиц, — основывается на том, как в действительности ведут себя фирмы и потребители, и как в реальной жизни работают рынки»⁵⁸.

Не менее основательны и сомнения эконометриков. Речь идет прежде всего о возможном изменении в рассматриваемых распределениях вероятностей. Ведь отнюдь не гарантировано, что текущие ожидания «завтрашних» *условных* (вероятных) ожиданий, базирующиеся на «сегодняшнем» массиве информации, совпадут с «завтрашними» *безусловными* ожиданиями. Как ядовито заметил автор превосходного учебника динамической эконометрии Д. Хендри, среди всех моделей *DSGE* оказывается наиболее уязвимым объектом для «критики Лукаса»⁵⁹.

О связи новой классической теории с реальными событиями можно судить и по следующему эпизоду. Р. Лукас всегда относился к числу крупнейших экспертов в теории экономического цикла (его монография, как известно, носит заголовок «Исследование делового цикла»). И в своем президентском докладе, прочитанном на заседании Американской экономической ассоциации в 2003 г., он сообщил, что центральная проблема — проблема

Paul J. The Possibility of Ideological Bias in Structural Macroeconomic Models // American Economic Journal: Macroeconomics. 2018. Vol. 10. P. 216–241.

⁵⁸ *Stiglitz J.* Where Modern Macroeconomics Went Wrong? // NBER Working Paper. 2017. No. 23795. P. 4.

⁵⁹ *Hendry D.* Rational Expectations // Economic Ideas You Should Forget / ed. by B. Frey, D. Iselin. Springer, 2017. P. 78.

предотвращения депрессий решена, причем решена на много десятилетий. Прошло всего четыре года, и маститый экономист в еженедельнике "Economist" констатировал развертывание самого серьезного кризиса со времени Великой депрессии...

Многие авторы сравнивали непримиримое отношение автора ко всем недостаточно строгим прогнозам на основе прежних эконометрических моделей (знаменитая «критика Лукаса») с той оценкой, которой заслуживает качество подобного прогноза. Впрочем, не стал бы сильно злорадствовать по этому поводу. Да и участники обсуждения могли бы сослаться на введенный в научный оборот Н. Талебом эффект «черного лебедя». Но в связи с этим, возможно, стоит несколько подробнее рассмотреть еще одну важную тенденцию развития современной макроэкономической теории — переход к анализу роли случайных процессов и использованию стохастических моделей.

* * *

Со времени выхода в свет классической работы нобелевского лауреата Р. Фриша⁶⁰ большинство теоретических моделей хозяйственного цикла предусматривает влияние случайных переменных. В качестве наиболее глубокого источника кризисных потрясений («импульса») выступают те или иные случайные шоки. К действию «случайных сил» (random forces) сводится, по мнению Э. Фелпса, суть моделей, представленных «новой классической теорией»⁶¹. Согласно эмпирическим исследованиям нобелевского лауреата Э. Прескотта, в качестве движущей силы «реального делового цикла» чаще всего выступают шоки, обнаруживающие-

⁶⁰ См.: *Frisch R. Propagation Problems and Impulse Problems in Dynamic Economics // Economic Essays in Honour of Gustav Cassel. Allen and Unwin, 1933.*

⁶¹ *Phelps E. Macroeconomics for a Modern Economy // American Economic Review. 2007. Vol. 97. P. 545.*

ся в сфере используемых производственных технологий (модели *RBC*, «реального» бизнес-цикла)⁶².

Привлекает внимание следующее обстоятельство. Разработка стохастических моделей делового цикла со времени работ Р. Фриша как бы несколько отодвигается от основного корпуса экономической теории, а в некоторых исследованиях приобретает большей частью «технический» характер. Так, совместной работе ведущих представителей макроэкономической теории — Т. Сарджента и К. Симса предпослан несколько иронический заголовок: «Моделирование делового цикла без претензий на чрезмерно глубокое априорное знание экономической теории»⁶³. Сегодня — это простейший «повод для разговора». Перебирая статьи последнего времени в западных экономических журналах лишь за прошлый год и первую половину 2016 г., я смог насчитать более тридцати (!) работ, посвященных влиянию различных шоков на процессы экономического роста и делового цикла.

Серьезный кризис 2007–2009 г., естественно, несколько поубавил энтузиазм сторонников теории реального цикла и побудил исследователей к поискам шоков в финансово-кредитной сфере. Яркие краски теории «реального» цикла несколько поблекли, гораздо более важное место в моделях делового цикла стали играть финансовые и денежные рынки⁶⁴.

⁶² В соответствии с другими расчетами, на технологические шоки, выступавшие в качестве главного импульса, приходилась примерно треть всей вариации выпуска, главным источником колебаний оказывались постоянные (permanent) шоки, связанные с изменением структуры используемой рабочей силы (см.: *Shapiro M., Watson M. Sources of Business Cycle Fluctuations // NBER Macroeconomics Annual. 1988. Vol. 3*).

⁶³ *Sargent T., Sims C. Business Cycle Modeling without Pretending to Have Too Much A Priori Economic Theory. Federal Reserve Bank of Minneapolis. Working Paper No. 55.*

⁶⁴ См., например: *Nolan C., Thoenissen C. Financial Shocks and the US Business Cycle // Journal of Monetary Economics. 2009. Vol. 56. P. 596–604; Christiano L., Motto R., Rostagno M. Financial Factors in Economic Fluctuations //*

Использование стохастических моделей Е. Слуцким и Р. Фришем, несомненно, знаменовало важный шаг в развитии макроэкономической теории. Отказ от примитивного детерминистского подхода, использование вероятностных методов и распространение новых стохастических моделей — все это безусловно может свидетельствовать о включении в арсенал экономиста новых, по-моему, чрезвычайно важных инструментов анализа. Во многих случаях появляются возможности оценить вероятность тех или иных исходов при взаимодействии нескольких (случайных) факторов. Кардинально расширяются возможности исследования макроэкономических структур, характеризующихся неопределенностью и/или наличием рисков. Вряд ли может вызвать возражения и тезис, согласно которому на хозяйственную ситуацию могут оказывать существенное влияние различные шоки. Тяготеющие к неоклассическому подходу модели реального цикла (Ф. Кидленд, Э. Прескотт, Дж. Лонг, Ч. Плоссер и др.) убедительно иллюстрируют: циклические кризисы могут регулярно поражать экономику, в которой все участники хозяйственного процесса оптимальным образом реагируют на все рыночные сигналы.

И все же остается немало вопросов. Нельзя не видеть и того, что в некоторых случаях подобный подход непременно требует дополнительного содержательного анализа. В соответствующей дискуссии уже отмечалось, что, скажем, исследователь макроэкономики, по-видимому, не может просто ограничиться утверждением о том, что рассматриваемые изменения в движении ВВП могут быть «объяснены» сложившимся трендом и шоками не вполне понятного происхождения.

Еще больше вопросов вызывают модели делового цикла, предполагающие, что при всех колебаниях рынки постоянно остаются в состоянии равновесия (причем в модели сами рын-

Working Paper Series 1192. European Central Bank 2010; *Jermann U., Quadrini V.* Macroeconomic Effects of Financial Shocks // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. P. 238–271 и др.

ки, по существу, не рассматриваются)⁶⁵. Серьезные проблемы изучения цикла сопряжены с тем, что предложенные концепции, и прежде всего теория реального цикла, не предусматривают каких-либо убедительных практических тестов, которые позволили бы судить о степени реалистичности указанных моделей⁶⁶.

Сегодня в рамках определенной эконометрической модели — чаще всего используется структурная модель векторной авторегрессии (*SVAR*) или модель *DSGE* — автор по своему усмотрению выбирает сферу порождения шоков. Возможности для произвольного (в некотором смысле) выбора здесь достаточно широки. В качестве таких сфер могут выступать, например, технология производства, склонности и вкусы потребителей, события на финансовом или денежном рынках, изменения в фискальной или денежно-кредитной политике и т.п. Далее «отлаживаются» корреляции между соответствующими динамическими рядами. В моделях *SVAR* для характеристики шоков обычно используются так называемые «инновации», т.е. остатки, выделяемые в приведенной (*reduced*) системе.

Чрезвычайно существенным при этом представляется отмеченное еще П. Самуэльсоном обстоятельство: в моделях векторной авторегрессии «отсутствует какая-либо теоретическая составляющая»⁶⁷. Множество используемых при этом формальных предположений придает расчетам более или менее «технический» характер.

Так, во многих случаях не предпринимается попыток не только сформулировать, но и как-то проверить теоретические

⁶⁵ К числу первых серьезных критиков этой концепции следует отнести Л. Саммерса (см.: *Summers L. Some Skeptical Observations on Real Business Cycle Theory // FRB of Minneapolis "Quarterly Review". 1986. Fall. P. 23–27*).

⁶⁶ См.: *Stadler G. Real Business Cycle // Journal of Economic Literature. 1994. Vol. 32. P. 1750–1783*.

⁶⁷ О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами. Сколково, 2009. С. 212.

гипотезы не только относительно природы соответствующих шоков (неоднократно отмечалось, что вопросы подобного рода явно «напрягают» представителей теории реального цикла), но и относительно вероятных механизмов их распространения (*propagation mechanisms*). Кроме того, нередко, особенно в тех случаях, когда рассматриваются шоки в сфере фискальной или денежно-кредитной политики, категорически необходимым представляется содержательное исследование более общих проблем эндогенности.

В свое время известный американский экономист Дж. Кокрейн, используя стандартную методику выделения «главных» шоков — технологических шоков и потрясений в сфере денежно-кредитной политики, а также скачков цен на нефть и др., так и не смог отыскать свидетельства, которые подтверждали бы столь распространенную теорию делового цикла. И если выводы предпринятого исследования справедливы, то, как саркастически заметил автор, «мы навсегда обречены оставаться в неведении относительно фундаментальных причин экономических колебаний»⁶⁸.

Нередко выясняется, что результаты исследования в критической степени зависят от «дополнительных» исходных посылок. В центре внимания исследователей по-прежнему остаются «реальные» шоки, хотя после кризиса 2007–2009 гг. их стали понемногу теснить шоки в финансовой сфере, шоки монетарной политики и проч. В одном из недавно опубликованных интересных исследований, например, рассматривается влияние шоков в сфере «особых» (*specific*) технологий, предполагаемых новыми капиталовложениями. В работе используются *SVAR*-модель, данные по американской экономике. Выясняется, что при дополнительном учете соответствующего информационного эффек-

⁶⁸ *Cochrane J. Shocks // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1994. Vol. 41. P. 295.*

та авторам удается «объяснить» почти три четверти изменений выпуска (квартальный «шаг») на протяжении восьми кварталов. А без учета информационных эффектов вообще не удастся выявить влияние указанных шоков⁶⁹. В другом исследовании, также использующем *SVAR*-модель, но именно при отсутствии соответствующих информационных эффектов с помощью шоковых специфических инвестиций удается «объяснить» (на частотах делового цикла) до 55% изменений выпуска⁷⁰. Число подобных примеров нетрудно умножить.

Вдобавок ко всему сказанному приходится наблюдать на протяжении последнего времени странные превращения самого понятия «шок(и)». В высшей степени респектабельном журнале “*Econometrica*” в 2012 г. была опубликована статья с интригующим названием «Что нового насчет делового цикла?». В ней предлагается эконометрическая модель, в которой циклические колебания порождаются не только уже реализовавшимися шоками, но и «антиципируемыми инновациями на один, два и три квартала вперед»⁷¹. Не входя в более подробное обсуждение возникающей проблемы, заметим лишь, что до недавних пор к числу шоков относились прежде всего неожиданные (*unanticipated*) изменения экзогенных переменных; теперь к ним еще добавляются плохо верифицируемые «новости» относительно ожидаемых (предполагаемых) изменений указанных переменных⁷².

⁶⁹ *Ben Zeev N., Khan H.* Investment-Specific News Shocks and US Business Cycle // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2015. Vol. 47. P. 1443–1464.

⁷⁰ *Mertens R., Ravn V.* Technology-Hours Redux: Tax Changes and the Measurement of Technology Shocks // *NBER International Seminar on Macroeconomics*. 2010. Подробный обзор роли шоков в макроэконометрических моделях можно найти в главе В. Рэйми (см. примеч. 72).

⁷¹ *Schmitt-Grohe S., Uribe M.* What’s News in Business Cycles // *Econometrica*. 2012. Vol. 80. P. 2733–2764.

⁷² См.: *Ramey V.* Macroeconomic Shocks and Their Propagation // *Handbook of Macroeconomics*. Vol. 2. Elsevier, 2016.

* * *

Со времени своего формирования макроэкономическая теория и концепция общего равновесия уделяли особое внимание роли ожиданий, складывающихся в сознании участников хозяйственного процесса; в связи с этим достаточно сослаться на теоретические построения Дж.М. Кейнса и Дж. Хикса. Особенно большую роль эта проблема приобрела в 1970–1980-х годах, авторы предисловий к очередным изданиям учебников макроэкономики заверяли читателей в том, что весь курс радикально перестроен в соответствии с развернувшейся «революцией рациональных ожиданий». Д. Бегг выпустил работу, которая так и называлась — «Революция рациональных ожиданий в макроэкономической теории»⁷³. О. Бланшар в своей «классической» статье об эволюции макроэкономической теории сдержанно замечает, что с позиций накопленного впоследствии опыта правильной было бы говорить в этом случае не о революции, а о естественной эволюции наших представлений об ожиданиях⁷⁴.

Действительно, если экономическая теория изучает некоторые существенные черты (ограниченно) рационального поведения потребителей и предпринимателей⁷⁵, то на определенном этапе своего развития ей следует обратиться к анализу рациональных ожиданий, скажем, в определении Дж. Мута⁷⁶, и изучить влияние подобных ожиданий на развертывание важнейших макроэкономических процессов. И дело не только в том, что весь корпус

⁷³ *Begg D.* Rational Expectations Revolution in Macroeconomics. Philip Allan, 1982.

⁷⁴ *Blanchard O.* What Do We Know about Macroeconomics that Fisher and Wicksell Did Not? // *Quarterly Journal of Economics.* 2000. Vol. 115.

⁷⁵ «Здравый смысл — это рациональность», — иронически констатирует Д. Маклоски (*McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. University of Wisconsin Press, 1998. P. 53).

⁷⁶ *Muth J.* Rational Expectations and the Theory of Price Movements // *Econometrica.* 1961. Vol. 29. P. 315–335.

теории неизменно отсылает к предположению о рациональности хозяйствующего субъекта; существенно и то, что иные ожидания, по крайней мере теоретически, могут быть использованы отдельными хозяйственными субъектами для извлечения дополнительных выгод (см., например, модель *expectation equilibrium*).

Р. Лукас, Т. Сарджент, Н. Уоллес, Р. Барро и некоторые другие авторы впервые смогли не только сформулировать теоретическую проблему, но и предложить соответствующую методику анализа; Т. Сарджент разработал получившую впоследствии широкое признание «алгебру рациональных ожиданий». В 1981 г. вышел в свет двухтомный сборник «Рациональные ожидания и практика эконометрических исследований»⁷⁷, в котором были собраны работы не только сторонников данного направления — «новой классической школы», — но и многих других влиятельных исследователей.

Используя в теоретических моделях гипотезу рациональных ожиданий, Р. Лукас, Т. Сарджент, Н. Уоллес, Р. Барро и др. смогли получить ряд интересных, а в отдельных случаях — просто поразительных, на мой взгляд, соображений. Достаточно сослаться в связи с этим на теоретический анализ влияния рациональных ожиданий на соотношение между безработицей и инфляцией (соответствующее смещение кривой Филлипса), на теоретические споры по проблемам эффективности политики, осуществляемой правительством и центральным банком, на обсуждение особой роли прогнозов в мире рациональных ожиданий, а также возможностей формирования «рациональных пузырей» на рынках реальных и (особенно) финансовых активов и др. Говоря о перспективах, открытых «революцией» рациональных ожиданий, нельзя не отметить и ее влияние на формирование концепции информационной эффективности финансовых рынков.

⁷⁷ *Rational Expectations and Econometric Practice. Vol. 1–2 / ed. by R. Lucas, T. Sargent. University of Minnesota Press, 1981.*

Использование гипотезы рациональных ожиданий, безусловно, ознаменовало новый этап в развитии макроэкономической теории. «Новые классики» смогли, — что признавали и их оппоненты, — существенно продвинуться и в разработке «технологии» построения макроэкономических моделей⁷⁸. Многие работы, опубликованные в упоминавшемся выше двухтомнике, и сегодня пользуются статусом классических источников.

При этом, однако, требовалось еще ответить на вопрос о том, насколько правдоподобны сами предпосылки, из которых исходит рассматриваемая гипотеза. Уже в начале 1980-х годов стали появляться эмпирические исследования, ставившие под сомнение реалистичность гипотезы рациональных ожиданий⁷⁹. Как заметил однажды М. Фридмен, исследователи-«эмпирики» обнаруживают обычно бóльшую готовность извлекать уроки из возникших разногласий, чем сторонники абстрактных теоретических принципов.

Опытные аналитики, работавшие со статистическими данными, вспомнили, что ожидания, полученные на основе опросов «рядовых» потребителей, чаще всего оказывались ближе к действительности, чем те ожидания, которые фигурировали в опросах «профессиональных экономистов» и статистиков, специализировавшихся в области прогнозирования (последние реже проходили тест на несмещенность ожиданий).

В 1987 г. кембриджский патриарх эконометрической теории М. Песаран, проделавший обширные расчеты, опублико-

⁷⁸ Новые классики, как отмечал Г. Мэнкью, «помогли выработать такую технику анализа, которая сегодня используется для построения моделей следующего поколения, предполагающих жесткость цен...» (*Mankiw G. The Macroeconomist as Scientist and Engineer*).

⁷⁹ *Batchelor R. Expectations, Output and Inflation: The European Experience // European Economic Review. 1982. Vol. 17. P. 1–25.* Более подробный обзор исследований, посвященных анализу ожиданий участников хозяйственного процесса, см.: *Manski C. Measuring Expectations // Econometrica. 2004. Vol. 72. P. 1329–1376.*

вал книгу с выразительным заглавием «Границы рациональных ожиданий». К этому времени мнение исследователей было практически единодушным; его лучше всего выразил, на мой взгляд, Майкл Лавелл (также опубликовавший результаты обширных эконометрических исследований) в своей иронической реплике: «Ну почему [реальные] данные должны портить такую прелестную историю?»⁸⁰. Один из известных экономистов несколько раздраженно заметил, что просто не может взять в толк, почему от участников хозяйственного процесса гипотеза рациональных ожиданий требует учета всей доступной информации, а от авторов (сторонников) указанной теории не требуется знания результатов хотя бы некоторых опубликованных работ, описывающих результаты исследования реальных прогнозов.

Теория рациональных ожиданий на глазах уходит из эмпирических исследований; на смену приходит описываемая ниже гипотеза рационального безразличия. В одном из основательных исследований, опубликованных в последнее время, авторы, полагающие, что некоторые результаты их исследования согласуются с гипотезой рационального безразличия, многозначительно добавляют: «Рациональное безразличие не является единственным источником информационных трений (frictions); даже тогда, когда статистические данные об инфляции вполне доступны, люди придают существенные веса не столь точным источникам информации, например, воспоминаниям о ценах товаров в супермаркете»⁸¹. Весьма прозрачный упрек в адрес концепции рациональных ожиданий!

Вместе с тем представляет интерес, на мой взгляд, проведенный в последние годы эмпирический анализ (степени) ге-

⁸⁰ *Lovell M.* Tests of the Rational Expectations Hypothesis // *American Economic Review*. 1986. Vol. 76.

⁸¹ *Cavallo A., Cruces G., Peres-Truglia R.* Inflationary Expectations, and Supermarket Prices: Evidence from Survey Experiment // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2017. Vol. 9 (3). P. 33.

терогенности ожиданий: обнаруживается весьма существенная корреляция прогнозов не только между различными группами частных агентов, но и у предпринимателей (потребителей) и тех, кто разрабатывает и реализует мероприятия хозяйственной политики. Указанные соответствия могут оказаться существенными при формулировании микрооснований различных теоретических макромоделей.

К тому же выяснилось, что и сама теория рациональных ожиданий опирается на ряд предпосылок, по меньшей мере требующих уточнений. Так, известно, что рациональные ожидания предполагают полное использование всей доступной информации. Можно ли, например, исходя из этого, предполагать, что учет дополнительной информации непременно сделает наши ожидания более точными (более «рациональными»)?⁸² Боюсь, что категорический положительный ответ на этот вопрос таит в себе опасность чрезмерного упрощения проблемы.

Вместе с тем постепенно стала «проседать почва» и под теоретическими моделями, широко использовавшими концепцию рациональных ожиданий. Так, Э. Фелпс в своей Нобелевской речи (2006) отмечает, что модель экономического цикла Р. Лукаса, в которой важную роль играют рациональные ожидания, просто не подходит для описания динамичной экономики с непрерывно меняющейся структурой⁸³.

⁸² В последнее время появился ряд работ, специально изучающих влияние новой информации («новостей») на формирование ожиданий и хозяйственной стратегии (см., например: *Beaudry P., Portier F. Stock Prices, News, and Economic Fluctuations // American Economic Review. 2006. Vol. 96. P. 1293–1307; Beaudry P., Portier F. When Can Changes in Expectations Cause Business Cycle Fluctuations in Neoclassical Settings? // Journal of Economic Theory. 2007. Vol. 135. P. 458–477; Blanchard O., L'Huillier J.-P., Lorenzoni G. News, Noise, and Fluctuations: An Empirical Exploration // American Economic Review. 2013. Vol. 103. P. 3045–3070).*

⁸³ См.: *Phelps E. Macroeconomics for a Modern Economy // American Economic Review. 2007. Vol. 97. P. 548.*

Особенно уязвимым стало, казалось бы, вполне естественное предположение, согласно которому рациональные ожидания постоянно опираются на полное использование всей имеющейся на соответствующий момент информации. Все чаще появлялись соображения о том, что как тщательный сбор, так и особенно все более усложняющаяся обработка накопленной информации требуют все больших затрат, что практически исключает возможность *непрерывного* пересмотра ожиданий участников хозяйственного процесса. Все большее распространение получает концепция «жесткой» информации (rigid information)⁸⁴. Информация, на базе которой реально принимают решения предприниматели и потребители, оказывается неполной (неадекватной) и неизбежно содержащей различные «шумы».

Примечательно, что в указанных теоретических построениях может по-прежнему использоваться понятие рациональных ожиданий, но при этом предполагается, что прогнозы «профессиональных» участников меняются не непрерывно, а лишь через определенные промежутки времени⁸⁵. Модели, использующие принцип жесткой информации, обычно предполагают сравнительно большую инерцию в движении рыночных цен, чем, скажем, модели с «перекрывающимися» многопериодными контрактами (staggered contracts).

Пожалуй, самая сильная угроза теории рациональных ожиданий таилась в дальнейшем развитии постулата о рациональности действий хозяйствующего субъекта — действий, обеспечивающих оптимальное использование ограниченных ресурсов. Но,

⁸⁴ См.: *Mankiw G., Reis R.* Sticky Information Versus Sticky Prices // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. P. 1295–1328; *Cristiano L., Eichenbaum M., Evans C.* Nominal Rigidities and the Dynamic Effects of a Shock to Monetary Policy // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113. P. 1–45.

⁸⁵ *Coibion O., Gorodnichenko Y.* Information Rigidity and the Expectation Formation Process: A Simple Framework and New Facts // American Economic Review. 2015. Vol. 105. P. 2644–2678.

как отметил К. Симс⁸⁶, само восприятие сигналов информации (в частности, «внимание»), по существу, представляет собой дефицитный ресурс. И этот ограниченный ресурс должен использоваться рационально.

На практике поиск и обработка информации всегда сопряжены с наличием шумов и соответственно — с ошибками; в подобной ситуации информационные сигналы оказываются «несовершенными». Участникам хозяйственного процесса неизбежно приходится решать вопрос об оптимальных способах работы с наличной информацией, и, следовательно, об аллокации такого ресурса, как внимание. В соответствии с трактовкой К. Симса рациональный подход предполагает максимальное уменьшение неопределенности, а в качестве меры неопределенности используются характеристики энтропии. В связи с этим и появляется проблема рационального невнимания (*rational inattention*), установления «границ» воспринимаемого потока информации. Дискуссия, развернувшаяся по данному вопросу, по-видимому, может служить еще одним свидетельством того, что в центр современной экономической теории постепенно выдвигаются проблемы информационного обеспечения участников хозяйственного процесса⁸⁷.

В классической статье К. Симса стратегия «рационального невнимания» разрабатывалась для случая установления фирмой цен на товары и услуги; дальнейшее развитие эти идеи получили в работе М. Вудфорда⁸⁸, а также ряда других авторов. Вместе

⁸⁶ См.: *Sims C. Implications of Rational Inattention // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50. P. 665–690.*

⁸⁷ Одним из первых это отметил в своей Нобелевской лекции Дж. Стиглиц (см.: *Stiglitz J. Information and the Change in the Paradigm in Economics // American Economic Review. 2002. Vol. 92. P. 460–501.*)

⁸⁸ *Woodford M. Information-Constrained State-Dependent Pricing // Journal of Monetary Economics. 2009. Vol. 56. P. 100–124.*

с тем указанные методы исследования используются при анализе проблем управления портфелем активов⁸⁹, формирования личных сбережений⁹⁰ и др. Эффект рационального невнимания проявляется в формировании различных ожиданий у отдельных групп предпринимателей (потребителей), а это при определенных условиях может способствовать нарастанию волатильности рыночных цен и вместе с тем уменьшению эффективности хозяйственного процесса⁹¹.

Завершая рассмотрение вопроса об использовании информации, нельзя не заметить и такую реакцию на теоретические модели, предполагающие полное использование всех доступных сведений, как тезис о некоем «проклятии информации»⁹². Выработка оптимальной стратегии в таких моделях предполагает сознательный отказ от (части) информации; в качестве примера можно сослаться на чрезвычайно любопытную модель Р. Бенабу и Ж. Тироля⁹³. Вместе с тем весьма плодотворными представляются теоретические и эмпирические исследования существенных препятствий,

⁸⁹ *Van Nieuwerburgh S., Veldkamp L.* Information Immobility and the Home Bias Puzzle // *Journal of Finance*. 2009. Vol. 64. P. 1187–1215.

⁹⁰ *Sims C.* Rational Inattention: Beyond the Linear-Quadratic Case // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 2006. Vol. 96. P. 158–163; *Luo Y.* Consumption Dynamics under Information Processing Constraints // *Review of Economic Dynamics*. 2008. Vol. 11. P. 366–385.

⁹¹ См.: *Gaballo G.* Rational Inattention to News: The Perils of Forward Guidance // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2016. Vol. 8. P. 42–97.

⁹² *Camerer C., Loewenstein G., Weber M.* The Curse of Knowledge in Economic Settings: An Experimental Analysis // *Journal of Political Economy*. 1989. Vol. 97. P. 1232–1254.

⁹³ *Benabou R., Tirole J.* Self-Confidence and Personal Motivation // *Quarterly Journal of Economics*. 2011. Vol. 117. P. 871–915. Недавно опубликован подробный обзор работ о сознательном отказе участников от информации (см.: *Golman R., Hagman D., Loewenstein G.* Information Avoidance // *Journal of Economic Literature*. 2017. Vol. 55. P. 96–135).

обнаруживающихся на пути распространения (в том числе международного движения) рыночной информации⁹⁴.

Еще одно важное новое направление исследований — проблемы взаимодействия («координации») ожиданий. В этом выступлении невозможно сколько-нибудь строго рассмотреть указанную задачу, поэтому ограничимся лишь самой общей характеристикой проблемы.

Воспользуемся примером, с которого начинают соответствующую главу во втором томе «Справочника по макроэкономике» Дж.-М. Энджелетос и Ч. Лайэн. Спрос, предъявляемый фирмой на рынке труда, зависит от ожидаемых продаж своей продукции, скажем, потребительских товаров, и от уровня издержек. Спрос населения на указанные товары, в свою очередь, зависит от ожидаемой занятости (и предполагаемых доходов). В обычной ситуации координация указанных ожиданий более или менее «гладко» осуществляется рынком. В реальных условиях, однако, несовершенное функционирование каналов информации может внести существенные «сбои» в действие механизмов координации ожиданий. Указанные сбои могут обострять течение рецессии и существенно затруднять преодоление спада» (авторы ссылаются в связи с этим на модели, в которых подробнее рассматривается действие «канала доверия»⁹⁵). Выводы Дж.-М. Энджелетоса и Ч. Лайэн неплохо согласуются с результатами недавних серьезных эмпирических исследований инфляционных ожиданий⁹⁶.

⁹⁴ См., например: *Froot K., Ramadorai T. Institutional Portfolio Flows and International Investments // Review of Financial Studies. 2008. Vol. 21. P. 937–971; Choe H., Bong-Chan K., Stulz R. Do Domestic Investors have an Edge? The Trading Experience of Foreign Investors in Korea // Review of Financial Studies. 2005. Vol. 18. P. 795–829.*

⁹⁵ *Guimaraes B., Machado C., Ribeiro M. A model of the confidence channel of fiscal policy // Journal of Money, Credit and Banking. 2015. Vol. 48. P. 1363–1395.*

⁹⁶ *Coibion O., Gorodnichenko Y. What Can Survey Forecasts Tell Us about Information Rigidities? // Journal of Political Economy. 2012. Vol. 120. P. 116–159.*

Таким образом, центр тяжести теоретических исследований постепенно смещается в сторону изучения границ применимости гипотезы рациональных ожиданий. Известный теоретик, профессор Колумбийского университета М. Вудфорд, ранее широко использовавший концепцию рациональных ожиданий, не так давно опубликовал статью «Макроэкономический анализ без гипотезы рациональных ожиданий»⁹⁷; чуть ранее упоминалась другая его работа (2009), посвященная изучению механизмов установления цен при существовании значительных информационных ограничений. В последнее время был опубликован ряд чрезвычайно любопытных работ, предлагающих новые теоретические модели ожиданий, но они чаще всего используют новые («продвинутые») концепции адаптивных ожиданий⁹⁸.

Рамки доклада, к сожалению, не позволяют рассмотреть последующую судьбу некоторых других теоретических моделей новой классической школы. Упомяну лишь о любопытной модели формирования цен на рынке активов, предложенной Р. Лукасом⁹⁹. По мнению автора, масштабы совокупного потребления и его волатильность должны коррелировать с уровнем и волатильностью цен активов. Однако сами методы калибрования вскоре подверглись довольно жесткой критике¹⁰⁰, да и некоторые исходные предпосылки были сочтены недостаточно убедительными.

⁹⁷ Woodford M. Macroeconomic analysis without the rational expectations hypothesis // Annual Review of Economics. 2013. Vol. 5. P. 303–346.

⁹⁸ См., например: Malmendier U., Nagel S. Learning from Inflation Experiences // Quarterly Journal of Economics. 2016. Vol. 131. P. 53–87.

⁹⁹ См.: Lucas R. Asset Prices in the Exchange Economy // Econometrica. 1978. Vol. 48. P. 1429–1445.

¹⁰⁰ В связи с этим достаточно сослаться на ставшую знаменитой статью: Mehra R., Prescott E. The Equity Premium: A Puzzle // Journal of Monetary Economics. 1985. Vol. 15. P. 145–161.

тельными¹⁰¹. Ссылаясь на эти (и другие) работы, авторы недавно опубликованной статьи отмечают: «Справедливо заключить, что общий вывод, следующий из указанных тестов, сводится к тому: модель провалилась»¹⁰².

* * *

Спектр течений и школ, представленных в современной макроэкономической теории, чрезвычайно широк. Самую широкую известность приобрел изданный четверть века назад цикл кларендонских лекций Э. Фелпса «Семь школ макроэкономической мысли»¹⁰³. В этом году издан весьма содержательный, на мой взгляд, курс истории макроэкономического анализа М. Де Врэ¹⁰⁴, в предлагаемых автором классификациях фигурирует более десяти различных направлений, течений и отдельных групп. В рамках сообщения, открывающего общую дискуссию, разумеется, невозможно даже в самых общих словах описать теоретические расхождения и споры между этими течениями.

В подобной ситуации неизбежно напрашивается вопрос: существует ли (может ли существовать вообще) какое-либо общее «ядро» макроэкономической теории?¹⁰⁵ Можно ли назвать хотя бы некоторые основополагающие утверждения, разделяемые (почти) всеми видными представителями экономической науки?

¹⁰¹ Hansen L., Singleton K. Stochastic Consumption, Risk Aversion, and the Temporal Behavior of Asset Returns // Journal of Political Economy. 1983. Vol. 91. P. 249–265.

¹⁰² Asparouhova E., Bossaerts P., Roy N., Zame W. “Lucas” in the Laboratory // Journal of Finance. 2016. Vol. 71. P. 2729.

¹⁰³ Phelps E. Seven Schools of Macroeconomic Thought. The Arne Ryde Memorial Lectures. Oxford University Press, 1990.

¹⁰⁴ De Vroey M. A History of Macroeconomics from Keynes to Lucas and Beyond. Cambridge University Press, 2016.

¹⁰⁵ Подходя к вопросу с несколько более общих позиций, можно сформулировать вопрос о существовании ядра данной «исследовательской программы» (И. Лакатос).

Американская экономическая ассоциация предложила этот вопрос известным экспертам, и на заседании 1997 г. было заслушано несколько докладов на эту тему. Все участники обсуждения так или иначе склонялись к утвердительному ответу — подобное ядро должно существовать и действительно существует.

Своеобразной оказалась при этом мотивировка А. Блайндера. Говоря о ядре «практической макроэкономики», он припомнил, что с 1993 по 1996 г. был членом Совета управляющих ФРС, а затем заместителем председателя Совета. Сама деятельность на этих постах как бы предполагала наличие такого ядра, «поэтому я надеюсь, что оно [ядро] существует»¹⁰⁶. Логику таких рассуждений вполне могли бы поддержать такие авторы учебников макроэкономической теории, как Б. Бернанке, С. Фишер, Дж. Тэйлор, Г. Мэнкью, — все они в тот или иной период входили в состав высшего руководства Федеральной резервной системы и/или Совета экономических консультантов при президенте США и, между прочим, расчеты, которые они использовали, как свидетельствовали эти экономисты, опирались на категорически неприемлемые для Р. Лукаса («критика Лукаса») большие эконометрические модели¹⁰⁷. Если отвергнуть существование какого-то общепризнанного ядра «практической макроэкономики», тогда, по-видимому, можно было бы сразу же поставить под сомнение и любые поиски оптимального варианта денежно-кредитной (фискальной) политики, составляющие один из самых почтенных разделов современной макроэкономической науки.

¹⁰⁶ *Blinder A. Is There a Core of Practical Macroeconomics that We Should All Believe? // American Economic Review. 1997. Vol. 87. P. 240.*

¹⁰⁷ Вообще попытки поиска ядра «практической макроэкономики», может быть, стоило бы предварить высказыванием одного из наиболее известных американских экономистов Дж. Тобина. Раскол между абстрактной научной теорией и «практической макроэкономикой» создан, по его словам, руками тех, кто на самом деле должен принимать решения по вопросам, которые рассматривают исполнительная власть и центральные банки (см.: О чем думают экономисты. С. 470–471).

Определенный интерес представляет и наблюдаемая на протяжении последнего времени склонность экспертов к выделению в особую категорию «практической» макроэкономики¹⁰⁸, явно отмежевываемой от общей теории. Тем самым абстрактно-теоретические построения все же существенно «отодвигаются» от практических действий. Дальнейшее развитие эта тенденция получила в весьма интересной, на мой взгляд, статье Г. Мэнкью «Макроэкономист как ученый и инженер»¹⁰⁹. По словам автора, Дж.М. Кейнс в свое время выражал надежду на постепенное превращение макроэкономики в «рутинную деятельность инженера». Г. Мэнкью выражает явное сожаление по поводу того, что развитие теории до настоящего времени протекает в ином направлении, он прямо пишет о «неправильном повороте» (wrong turn) современной макроэкономической теории. Говоря о серьезных проблемах, выявившихся в ходе последнего кризиса, и Б. Бернанке относит их, прежде всего, к промахам «экономической инженерии»¹¹⁰, мало связанным с состоянием макротеории. Дистанция между теорией и «инженерией», по-видимому, продолжает оставаться достаточно существенной.

В 2017 г. общее собрание АЭА заслушало престижное, открывающее заседания выступление («лекцию Р. Эли») Э. Дюфло «Экономист как водопроводчик». В лекции перечисляется ряд практически важных исследований, включая проекты, подготовленные совместно с Э. Банерджи и др. Эти разработки смогли обеспечить программу реформ в индийской экономике — ре-

¹⁰⁸ При этом споры «теоретиков» относительно микрооснований могут просто не оказывать непосредственного влияния на практическую макроэкономику (см.: *Mehrling P. Whither Macro? // New Frontiers in Economics. Cambridge University Press, 2004. P. 182–183*).

¹⁰⁹ *Mankiw G. The Macroeconomist as Scientist and Engineer // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. P. 29–46.*

¹¹⁰ См.: Речь Б. Бернанке на конференции в Принстоне, 24 сентября 2010. <<http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20100924a.htm>>.

форм, которые, по мнению лектора, благотворно сказались на жизни 182 млн человек. Подчеркивая плодотворность подобного «предметного» анализа, автор указывает на необходимость более прагматичного подхода к исследованиям и призывает уделять особое внимание конкретным деталям разрабатываемого проекта. В аннотации лекции Э. Дюфло, ничуть не сбавляя академичность тона, советует коллегам изучать водопроводное дело и выражает надежду — это пошло бы на пользу не только обществу, но и экономической науке¹¹¹.

И все же, несмотря на многочисленные жалобы на усиливающийся отрыв экономической теории от реальной жизни, логика теоретических исследований будет, боюсь, и дальше представлять достаточно оснований для подобных упреков и рекомендаций.

Среди сторонников тезиса о существовании ядра «практической» макроэкономики особенно популярны ссылки на всеобщее признание идей «долгосрочного экономического прогресса». Так, Р. Солоу и Дж. Тэйлор, упоминая об общности принципов макроисследований, прямо ссылались на широко используемый анализ факторов устойчивого экономического роста. Дж. Тэйлор сформулировал пять «ключевых принципов»; часть из них достаточно близка к несколько модернизированной версии известных «стилизированных фактов» Н. Калдора¹¹². Чрез-

¹¹¹ *Duflo E. The Economist As Plumber // American Economic Review. Papers and Proceedings. 2017. Vol. 107. P. 1–26.*

¹¹² См.: *Kaldor N. A Model of Economic Growth // Economic Journal. 1957. Vol. 67. P. 591–624.* Отметим лишь существенное предположение, следующее из ключевых принципов Дж. Тэйлора. В длительном плане не может быть никаких взаимно компенсирующих изменений (trade-off) между темпами инфляции и уровнем безработицы (второй принцип), но на протяжении краткосрочного периода такая зависимость существует (третий принцип) (см.: *Taylor J. A Core of Practical Macroeconomics // American Economic Review. 1997. Vol. 87. P. 233–235).*

вычайно существенным в связи с этим представляется обсуждение требований, предъявляемых макроэкономической теорией к национальной статистике¹¹³. И все же, как заметил Р. Солоу, одной из самых сложных задач, связанных с выделением ядра «практической макроэкономики», остается проблема убедительного и достаточно органичного согласования основ долгосрочного и краткосрочного анализа.

О. Бланшар свое убеждение в существовании ядра пригодной к использованию (usable) макроэкономической теории связывает прежде всего со сформулированными П. Самуэльсоном принципами «неоклассического синтеза». При этом в наименьшей степени разработанными, по мнению О. Бланшара, остаются как раз процессы среднесрочного и долгосрочного роста (именно та область, в которой, как полагают некоторые его коллеги, и находится ядро «практической макроэкономики»)¹¹⁴.

К началу нового столетия на передний план выдвинулись новые влиятельные теоретические направления — сошлемся, например, на публикации группы авторов, которую М. Де Врэ именуется вторым поколением нового кейнсианского моделирования, на работы влиятельных представителей неравновесной макроэкономической теории и др. Освоение новых пластов макроэкономического моделирования позволило поставить ряд новых проблем, обострилось прямое противостояние некоторых течений.

На одном из заседаний Американской экономической ассоциации (2008) вопрос был существенно смягчен — речь шла уже не о существовании некоего «твердого ядра», а просто о «сближении» (convergence) различных подходов в современной макроэкономической теории. Но и в этом случае тезис о сближении не всегда выглядел достаточно убедительным — достаточно

¹¹³ См.: *Miron J., Romer C. Reviving the Federal Statistical System: The View from Academia // American Economic Review. 1990. Vol. 80. P. 329–332.*

¹¹⁴ *Blanchard O. Is There A Core of Usable Macroeconomics? // American Economic Review. 1997. Vol. 87. P. 244–246.*

сравнить, с одной стороны, подход, представленный в докладе Р. Шаймера, и, с другой, — позиции, отстаивавшиеся в докладе В. Чари (с соавторами)¹¹⁵.

Все эти дискуссии далеки от подведения итогов (да и могут ли они вообще как-то «завершиться»?) И сегодня, по крайней мере, в сфере «практической макроэкономики», «макроинженерии», по-видимому, все же можно говорить о наличии некоторого единого «ядра». В то же время общая теоретическая картина остается сильно фрагментированной; в некоторых областях усиливается прямое противостояние подходов и исходных принципов. И хотя в последние годы немало страниц посвящено было «заклинаемым» процессам постепенного сближения различных подходов, базовые посылы макроэкономических моделей во многих случаях остаются плохо согласующимися между собой или просто несовместимыми.

Но даже если допустить существование единого ядра теоретических конструкций, возникают серьезные сомнения в их когерентности. Может быть, под влиянием последнего кризиса Р. Кабальеро счел необходимым прибегнуть к несколько более резким формулировкам. Ядро современной макроэкономической теории, по его мнению, стало более строгим (нетрудно заметить, что здесь указанный термин имеет несколько иную трактовку по сравнению с «сердцевиной» практической макроэкономики). По мнению автора, маятник качнулся, и суждения теоретиков стали более специализированными и формальными, порождая тем самым «математически точный, но во многом иррелевантный мир»¹¹⁶.

¹¹⁵ *Shimer R. Convergence in Macroeconomics: The Labor Wedge // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. P. 280–297; Chari V., Kehoe P., McGrattan E. New Keynesian Models: Not Yet Useful for Policy Analysis // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. P. 242–266.*

¹¹⁶ *Caballero R. Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. P. 99.*

В учебниках макроэкономической теории (как и во многих других науках) различия в исходных посылках убираются на задний план, особенно в пособиях первого уровня. В них сегодня, разумеется, сообщается о различиях между новым классическим и новым кейнсианским подходами, но со времени «классического синтеза» большая часть учебных моделей на протяжении многих десятилетий продолжает кочевать из одного пособия в другое.

Немалый интерес с этой точки зрения представляет доклад английского (с 1975 г. — канадского) экономиста М. Паркина «Принципы макроэкономической теории на пороге миллениума» (2000). Сам М. Паркин является автором ряда чрезвычайно популярных пособий, его учебник макроэкономической теории к настоящему времени выдержал 12 изданий. В рассматриваемую им выборку вошли 24 англоязычных учебных пособия по макроэкономике, включая, разумеется, и его собственный курс.

Содержание учебников отчетливо отражает акценты, расставляемые современной теорией. В 15 учебниках, которые используют 2/3 (!) всех студентов, преобладающая часть пособия отведена рассмотрению *краткосрочных* процессов. Долгосрочная динамика чаще всего предстает перед читателем как некоторая совокупность краткосрочных процессов.

Основным орудием анализа оказываются кривые совокупного спроса и совокупного предложения (*AD-AS*), выводимые или по крайней мере совместимые с моделью *IS-LM*. Несмотря на все реверансы в сторону новой классической теории и революции рациональных ожиданий, «старые» кейнсианские модели¹¹⁷ в этих учебниках по-прежнему образуют как бы стеновой хребет излагаемого курса. Что ж, как заметил в свое время П. Самуэльсон, сама модель *IS-LM*, по существу, изоморфна по

¹¹⁷ Дж.М. Кейнс в одном из писем относил модель *IS-LM* к числу важных составных частей своей теории (см.: *Keynes J. Collected Works. Vol. XIV. P. 79–81. London: Routledge and Kegan Paul, 1972*).

отношению ко многим предлагавшимся макроэкономическим концепциям...

На рубеже нового столетия наряду с указанным подходом стали появляться и существенные модификации, не упомянутые в обзоре М. Паркина. Так, изменение промежуточных целей кредитно-денежной политики побудило авторов некоторых пособий перейти к поискам графических интерпретаций равновесия без кривой *LM*. Д. Ромер предложил любопытную деконструкцию, представленную графиками *IS-MP* (Monetary Policy), на которых по оси ординат откладывается реальный процент, и *AD-IA* (Inflation Adjustment)¹¹⁸.

Несмотря на серьезные корректировки, предлагавшиеся в исследованиях последних десятилетий, трансмиссионный механизм, описывающий воздействие фискальной политики государства на совокупный спрос, описывается с помощью традиционного кейнсианского мультипликатора¹¹⁹. И что представляется особенно существенным — как в начальных, так и в промежуточных курсах «политика гораздо больше похожа, — по словам М. Паркина, — на событие, чем на процесс».

В некоторых учебниках, как отмечает автор, можно обнаружить явную несогласованность отдельных разделов. Так, в ряде популярных учебников (К. Макконнела и С. Брю и др.) не проводится различий между краткосрочным и долгосрочным изменениями совокупного предложения, поэтому логика процессов, описываемых в последующих главах, может просто противоречить предшествующему изложению. Лишь в четырех пособиях моделям, описывающим краткосрочные, в том числе

¹¹⁸ *Romer D.* Keynesian Macroeconomics without the LM Curve // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. P. 149–169.

¹¹⁹ Более современную интерпретацию указанных проблем можно найти, например, в: *Ilzetzki E., Mendoza E., Vegg C.* How Big (Small?) Are Fiscal Multipliers? // Journal of Monetary Economics. 2013. Vol. 60. P. 239–254.

циклические, процессы, предпослан анализ фундаментальных *долгосрочных* тенденций, обнаруживающихся в реальной сфере экономики. Дополним наблюдения М. Паркина. Особенности долгосрочного экономического роста в большинстве учебников практически не обсуждаются, хотя в исследовательской литературе к концу прошлого — началу нынешнего столетий этим вопросам стало уделяться особенно большое внимание¹²⁰. Проблема микрооснований макротехории сколько-нибудь серьезно рассматривается лишь в более новых пособиях (сослался бы в этой связи, например, на учебник С. Уильямсона).

Указывая на серьезные содержательные и методические недостатки пособий, многие авторы утверждают, что сама макротехория не так плоха, как учебники, излагающие эту дисциплину. Но нельзя не видеть и объективные причины сложившейся ситуации, и прежде всего — наличие различных теоретических систем («школ»), противостоящих друг другу, несовместность и фрагментарность исходных посылок и используемых моделей.

Представляет интерес и перечень «классиков» макроэкономической теории. В 24 пособиях в общей сложности 170 раз упоминается имя Дж.М. Кейнса¹²¹, 124 раза имя А. Смита и 102 раза имя М. Фридмена. И «знамение времени» — число упоминаний Р. Лукаса (40) превосходит количество упоминаний А. Маршалла (33) или П. Самуэльсона (24)! В тех немногих учебниках, в которых особое внимание уделяется проблемам долгосрочного рос-

¹²⁰ См.: *Kim E., Morse A., Zingales L. What Has Mattered to Economics Science Since 1970 // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. P. 199–200.*

¹²¹ Рекордное число упоминаний Дж.М. Кейнса может, в частности, свидетельствовать об ограниченном влиянии оценок Р. Лукаса и других представителей новой классической школы на рассматриваемые тексты: хорошо известны порой явно «неакадемические» выпады этих авторов в адрес Кейнса, и в частности, утверждение Р. Лукаса о том, что кейнсианские макроэкономические модели на самом деле восходят к эконометрическим работам Я. Тинбергена (см.: *Lucas R. Understanding Business Cycles // Conference on Growth without Inflation. Kiel, 1976.*)

та, несколько чаще встречаются ссылки на М. Фридмена (и соответственно реже упоминается имя Дж.М. Кейнса)¹²².

Участники дискуссии относительно «ядра» макроэкономической теории отмечали, что общность взглядов легко прослеживается на уровне начальных и промежуточных курсов. Пособия, излагающие продвинутую теорию, четче отражают наличие внутренних конфликтов и альтернативных подходов; они гораздо более оперативно «осваивают» новые системы моделей.

Сравним, например, последнее (четвертое) издание пособия Д. Ромера «Высшая макроэкономика» с переведенным на русский язык вторым изданием. В учебнике появились новые главы, в том числе глава 7, посвященная динамическим стохастическим моделям общего равновесия (*DSGE models*). Существенно усилены разделы, рассматривающие процессы долгосрочного экономического роста, введено описание разработанной П. Ромером модели эндогенного технического прогресса. Более основательно изложены микроэкономические основания теоретических моделей с жесткими ценами — в том числе моделей, вызывающих скептическую реакцию «новых классиков». В целом изменения, вносившиеся в книгу вплоть до кризиса 2007–2009 гг., вряд ли могут свидетельствовать о «сближении» наметившихся подходов макроэкономического анализа. Одной из причин многообразия представленных в учебнике моделей по-прежнему оказывается, как сдержанно замечает автор, «отсутствие единой точки зрения среди экономистов на многие вопросы».

* * *

Как известно, кризисы всегда поражают внезапно («вдруг») и несут с собой немало неожиданных явлений и процессов. Но кризис 2007–2009 гг. оказался совсем неожиданным. Во-первых,

¹²² *Parkin M.* The Principles of Macroeconomics at the Millennium // *American Economic Review. Papers and Proceedings.* 2000. Vol. 90. P. 85–89.

к этому времени большая часть населения, в том числе читатели экономической прессы, наконец, поверили в то, что они живут в благословенную эпоху «великой умеренности» (“Great Moderation”).

Во-вторых, в соответствии с еще популярной в те времена теорией реальных деловых циклов рецессия обычно порождается технологическими шоками¹²³ и обнаруживается прежде всего в реальной сфере экономики. Один из основателей этой концепции, нобелевский лауреат Э. Прескотт за год до кризиса говорил о наступившем «золотом веке» экономической теории¹²⁴.

С серьезными проблемами столкнулись не только сторонники указанной теории, но и сотрудники Национального бюро экономических исследований США, традиционно ведущие хронологию циклических колебаний. На протяжении первых двух кварталов 2008 г. реальный объем ВВП продолжал увеличиваться, а в III квартале оставался практически неизменным. Согласно распространенному критерию «падения на протяжении двух кварталов подряд» (two-quarters test) о рецессии не могло быть и речи. И все же кризис был налицо. Ускорился рост безработицы, с осени 2007 г. выявилась тенденция к снижению реальных доходов населения, серьезные проблемы обнаружились на финансовых рынках (крушение рынка коммерческих бумаг и проч.). По-видимому, с учетом перечисленных факторов, несмотря на

¹²³ «Один из центральных догматов (tenet) неоклассического подхода состоял в том, что главным источником колебаний оказываются технологические шоки» (*Blanchard O. The State of Macro // Annual Review of Economics. 2009. Vol. 1. P. 217.*)

¹²⁴ Цит. по: *Stiglitz J. Reconstructing Macroeconomic Theory to Manage Economic Policy // NBER Working Paper. 2014. No. 20517. P. 3.* Правда, теория реальных деловых циклов стала утрачивать популярность уже во второй половине 1980-х и особенно в 1990-х годах. Примечательно, что статья о реальных деловых циклах, опубликованная еще в первом томе «Справочника по макроэкономике» (1999), носила красноречивый заголовок «Реанимация теории реального делового цикла».

положительную динамику реального ВВП, Национальное бюро экономических исследований с беспрецедентным опозданием решило отнести пик предшествовавшего циклического подъема к декабрю 2007 г. Так или иначе, на 2007–2009 гг. пришелся «самый сильный макроэкономический спад, который Соединенным Штатам пришлось пережить после второй мировой войны»¹²⁵.

В послекризисные годы ситуация продолжала оставаться сложной. Заметно усилилось влияние факторов неопределенности. В 2016 г. С. Бейкер, Т. Блум и С. Дэвис предложили новую методику расчета индексов «неопределенности хозяйственной политики»; их динамика показывает устойчивое нарастание элементов неопределенности в двух случаях — после «Великой депрессии» и после кризиса 2007–2009 гг. К 2015 г. значения указанного индекса превысили предшествующие рекорды и продолжали повышаться¹²⁶. Вновь обнаружилось, что экономическая теория до настоящего времени не предлагает сколько-нибудь убедительных ответов на вопрос о глубинных причинах внезапного нарастания неопределенности. В теоретической литературе обсуждается возможное воздействие новых условий на повышение ставок дисконтирования¹²⁷.

Вместе с тем не реализовались многочисленные предсказания относительно послекризисного падения темпов инфля-

¹²⁵ *Krueger D., Mitman K., Perri F.* Macroeconomics and Household Heterogeneity // *Handbook of Macroeconomics*. 2016. Vol. 2A. P. 845.

¹²⁶ *Baker S., Bloom N., Davis S.* Measuring Economic Policy Uncertainty // *Quarterly Journal of Economics*. 2016. Vol. 131. P. 1593–1636.

¹²⁷ В недавно опубликованной работе Т. Наката показывается, как нарастание неопределенности при низком рыночном проценте и недостаточно гибких ценах непосредственно сказывается на ожиданиях населения и предпринимателей, что может оказывать чрезвычайно существенное неблагоприятное влияние на процессы инвестирования и экономического роста (см.: *Nakata T.* Uncertainty at the Zero Lower Bound // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2017. Vol. 9. P. 186–221).

ции¹²⁸. В подобных условиях ряд академических экономистов и признанных экспертов предпочли воздержаться от каких-либо конкретных практических рекомендаций¹²⁹.

Немногие исследователи к началу нового столетия сумели по достоинству оценить возможные последствия стремительно-го развития финансового сектора¹³⁰. Между тем уже в неглубоких рецессиях (1990–1991 гг. и 2001 г.) эпохи «великой умеренности» чрезвычайно важную роль сыграли финансовые факторы; однако в те времена указанное обстоятельство не привлекло особого внимания. В 2007–2009 гг. уже просто невозможно было не заметить того, что эпицентром нового стремительного падения хозяйственной активности оказалась финансовая сфера, а в качестве критически важных участников кризисных процессов выступили финансовые посредники¹³¹. После кризиса стали появляться рас-

¹²⁸ Последнее обстоятельство явно противоречило всем прогнозам динамических моделей, опиравшихся на стандартные трактовки кривой Филлипса. После доклада президента АЭА Р. Холла (2011) обнаружившуюся особенность движения цен в литературе окрестили «загадкой Холла» (см., например: *Blanchi F., Melosi L. Escaping the Great Recession // American Economic Review. 2017. Vol. 107. P. 1030*).

¹²⁹ Еще в конце прошлого столетия С. Фишер с сожалением отмечал: «...отказ серьезных макроэкономистов [от выработки конкретных рекомендаций] предоставляет эту сферу лицам, настолько невежественным либо недобросовестным (*unscrupulous*), что они могут позволить себе утверждать: они полностью понимают возникшие проблемы» (*Fischer S. Recent Developments in Macroeconomics // Economic Journal. 1988. Vol. 98. P. 331*).

¹³⁰ Особая активность рынков капитала проявлялась не только в абсолютном, но и в относительном росте доходов финансовых компаний: в начале 1980-х годов эти доходы не превышали 5%, а к предкризисному 2007 г. составили 27% суммарной прибыли компаний, входивших в состав S&P.500 (при включении в расчет финансовых подразделений промышленных фирм, учитываемых указанным индексом, соотношении 2007 г. может превысить 1/3).

¹³¹ Практика оценки и учета, ориентирующаяся на все более оперативную реакцию на рыночные процессы (например, столь популярная на рубеже веков стратегия “mark-to-market”), как показали исследования, спо-

четы, свидетельствующие о том, что рецессии, в которых именно потрясения финансового рынка играли важную роль, оказывались самыми разрушительными, и к тому же выход из кризиса чаще всего оказывался особенно затруднительным¹³². В других исследованиях можно найти еще более общий вывод: финансовый сектор вообще оказывается главным фактором, определяющим волатильность экономического роста. Вместе с тем выяснилось, что финансовые каналы обеспечивают более оперативное и интенсивное межгосударственное распространение кризисных процессов, чем традиционные торговые связи¹³³.

О моделях равновесного цикла (Р. Лукас и др.) после кризиса никто не хотел и вспоминать. Как отмечал Б. ДеЛонг, «нам требуется меньше теоретиков равновесного экономического цикла и больше старомодных кейнсианцев и монетаристов»¹³⁴. Многие теоретики делового цикла развернули лихорадочные поиски шоков, присущих развитию *финансовых рынков*. В статье, опубликованной в одном из престижных журналов уже в 2009 г., доказывалось, что начало кризиса должно быть гораздо больше связано с «шоком финансового акселератора», чем с колебанием совокупной факторной производительности и/или движением остатков Солоу¹³⁵.

способствовала значительному обострению кризиса как в реальном, так и в финансовом секторах экономики (см.: *Adrian T., Shin H. Liquidity and Leverage // Journal of Financial Intermediation. 2010. Vol. 19. P. 418–437*).

¹³² См., например, анализ данных по 14 развитым странам (1870–2008 гг.): *Jorda O., Schularick M., Taylor A. When Credit Bites Back // Journal of Money, Credit and Banking. 2013. Vol. 45. Iss. 2. P. 3–28*.

¹³³ *Fry-McKibbin R., Yu-Ling Hsiao C., Tang C. Contagion and Global Financial Crises: Lessons from Nine Crisis Episodes // Open Economies Review. 2013. October. P. 1–50*.

¹³⁴ *DeLong B.J. Economics in crisis. <<https://www.economics.utoronto.ca/munro5/BradDeLongEconomicsBEP.pdf>>*.

¹³⁵ *Nolan C., Thoenissen C. Financial Shocks and the U.S. Business Cycle // Journal of Monetary Economics. 2009. Vol. 56. P. 596–604*.

И сам Р. Солоу не так давно отметил в качестве важнейшего структурного сдвига масштабную «финансиализацию» современной экономики — сдвиг, за которым «не смогла угнаться» макроэкономическая теория¹³⁶. Автор известного продвинутого учебника макроэкономики Д. Ромер, ссылаясь на опыт кризиса, констатировал: «...с финансовыми шоками, по-видимому, приходится часто встречаться, и трудно предсказать не только время их появления, но и форму, которую они принимают». На конференции об уроках кризиса, организованной МВФ (2013), он призвал к срочной реконструкции всего здания макроэкономической теории. Другой участник этого обсуждения заметил, что макроэкономическая теория без финансовых проблем («финансового цикла») очень походит на драму «Гамлет» без датского принца¹³⁷. К началу нынешнего столетия все больше исследователей находили по меньшей мере странную ситуацию, когда даже центральные банки продолжали использовать макромоделли, в которых финансовые рынки и банки, по существу, не играли заметной роли.

Здесь, может быть, уместен самый короткий исторический экскурс. С XVIII в., с первых исследований классиков экономической теории в центре внимания оказывались процессы, развертывавшиеся в реальном секторе. Подобная расстановка акцентов была, как мне представляется, совершенно оправданной, она позволила заложить фундаментальные основы экономической науки. На более поздних стадиях развития рыночной экономики обнаружилась тенденция к ускоренному развитию сферы услуг, и в частности, финансовых услуг. Финансовый сектор относится к числу наиболее динамичных секторов современной экономики.

Исследованию процессов, протекавших на финансовых рынках, серьезное внимание в свое время уделяли еще А. Смит и

¹³⁶ *Solow R.* Introduction of the book “Economics for the Curious: Inside the Minds of 12 Nobel Laureates”. Palgrave, 2014.

¹³⁷ *What Have We Learned? Macroeconomic Policy after the Crisis* / ed. by G. Akerlof, O. Blanchard. MIT Press, 2014. P. 327–333. P. 82.

Д. Рикардо; немало интересных соображений по этим вопросам можно найти у А. Маршалла. К нашему времени сформировался особый поток публикаций, посвященный денежным рынкам и рынкам капитала; теоретические исследования в этой области, как правило, теперь носят более специализированный, нередко более «технический», характер — достаточно сослаться на работы А. Хана, Р. Хоутри, И. Фишера и, ближе к современности, Г. Марковитца, Р. Мертона и М. Миллера.

Указанное обособление достаточно наглядно проявилось и в структуре учебных пособий. Хотя в некоторых курсах макроэкономической теории можно было обнаружить описание рынка активов, область содержательного пересечения с курсами теории финансов (финансовой экономики) обычно оказывалась довольно ограниченной¹³⁸.

Тем самым определялась и топография системных рисков. Теория реальных деловых циклов ориентирует нас на анализ роли технологических шоков (серьезный аналитик вряд ли усомнится в важности указанной проблемы), но не рассматривает системных рисков, связанных с функционированием финансовых рынков. О роли паник и потрясений на финансовых рынках немало написал Ч. Киндлбергер, чрезвычайно содержательные соображения о «хрупкости» складывавшихся финансовых отношений высказывал Х. Мински¹³⁹, в ряде работ были предложены вполне

¹³⁸ Заметим, например, что теоретические конструкции «хиксианского кейнсианства», и в частности модель *IS-LM*, в лучшем случае рассматривали лишь некоторые рынки из числа тех финансовых рынков, которые функционировали 80 лет тому назад.

¹³⁹ В неоклассической макромодели предложение денег и финансовые отношения вообще не оказывают никакого влияния на поведение реальных макропеременных (см.: *Mynski H. Stabilizing the Unstable Economy. McGraw-Hill, 2008. Ch. V*). В еженедельнике «Экономист» недавно заметили: «Мински вплоть до самой смерти был сравнительно малоизвестен, и лишь после того, как разразился финансовый кризис, обрел статус “суперзвезды”». <<http://www.economist.com/sites/default/files/econbriefs.pdf>>.

реалистичные, на мой взгляд, теоретические модели кредитных циклов и пузырей на фондовых рынках. Но теория экономического цикла, представленная в стандартных курсах макроэкономической теории, как бы не обращала особого внимания на все эти соображения; указанная область системных рисков вплоть до последнего времени оказывалась, по существу, вне макроэкономического «мейнстрима»¹⁴⁰.

Недавний кризис наглядно продемонстрировал всю ответственность подобного разделения. Сегодня среди макроэкономистов особенно популярным стал «призыв»: *financial institutions matter!*

«Великий финансовый кризис» вызвал не только глубокое падение производства; и в послекризисные годы «отклонения выпуска от оптимального уровня оказались гораздо более длительными и поэтому повлекли за собой ущерб, гораздо больше того, что обычно предполагают»¹⁴¹. Какой уж тут «нормальный»

¹⁴⁰ «...Академическая финансовая наука построила теорию финансов без макроэкономики, тогда как неоклассическое направление построило макроэкономическую теорию без финансов» (*Martin F. Money: The Unauthorized Biography*. Bodley Head, 2013).

Существовали, разумеется, и примечательные исключения, чаще всего — в работах представителей других направлений. Так, в теоретических моделях Дж. Тобина предпринималась попытка объединить реальную экономику и финансовый сектор (см.: *Tobin J. A General Equilibrium Approach to Monetary Theory // Journal of Money, Credit and Banking*. 1969. Vol. 1. P. 15–29). Несколько позже К. Симс и его ученик Й. Мехра привели соображения относительно эндогенности денежного предложения и привлекли внимание исследователей к рынкам, на которых обнаруживаются шоки процентных ставок (см.: *Mehra Y. Is Money Exogenous in Money-Demand Equations? // Journal of Political Economy*. 1978. Vol. 86. P. 211–228; *Sims C. Macroeconomics and Reality // Econometrica*. 1980. Vol. 48. P. 1–48).

¹⁴¹ *Blanchard O., Cerutti E., Summers L. Inflation and Activity — Two Explorations and their Monetary Policy Implications // NBER Working Paper*. 2015. No. 21726. P. 25.

гистерезис! По мнению Л. Болла, речь должна идти, скорее, о «супергистерезисе»¹⁴².

Все это не могло не отразиться на самой *структуре* макроэкономической теории — в современных условиях становится все труднее практически игнорировать конфликты, вызревающие на финансовых рынках. Авторы одного из исследований, проводимых под эгидой Национального бюро экономических исследований, прямо предложили наладить диалог между макроэкономистами и специалистами в сфере финансовых отношений¹⁴³.

«Вторжение» финансовой теории оказало существенное влияние и на макромоделли экономического цикла. В свете экономических потрясений последних десятилетий заметно поблек авторитет концепции реального цикла. Исследователи все чаще обращаются к недавно вошедшим в моду финансовым моделям «редких бедствий» (*rare disasters*) и к пересмотру соответствующих определений риска¹⁴⁴.

Стали появляться теоретические работы, предлагающие содержательную интерпретацию макроэкономических «хвостовых» рисков. Тем самым конструируются иные *микроэкономические* основания и соответственно стохастические модели цикла: глубокие и разрушительные рецессии могут порождаться специфическими формами связей между различными секторами экономики — особенно в случае нелинейных взаимодействий и прежде всего в случае зависимости «реальных» секторов от финансовых рынков (привет «классической дихотомии!»). Наибольшего раз

¹⁴² Ball L. Long-term Damage from the Great Recession in OECD Countries // European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention. 2014. Vol. 11. P. 152.

¹⁴³ Mian A., Sufl A. Finance and Macroeconomics // NBER Reporter. 2011. No. 3. P. 12–13.

¹⁴⁴ См., например: Gabaix X. Variable Rare Disasters: An Exactly Solved Framework for Ten Puzzles in Macrofinance // Quarterly Journal of Economics. 2012. Vol. 127. P. 645–700.

маха подобные взаимодействия достигают в условиях рецессии¹⁴⁵. Любопытные описания банковских кризисов можно предложить, используя инструментарий *DSGE*¹⁴⁶.

Профессор Массачусетского технологического института Р. Кабальеро в своей статье «Макроэкономическая теория после кризиса» сообщил, что примерно четверть продвинутого курса макроэкономики в МТИ теперь будет посвящена финансовым проблемам¹⁴⁷. Авторы известных учебников — макроэкономической теории и «финансовой системы» — в 2010 г. просто объединили их с небольшой корректировкой в одну книгу¹⁴⁸; новое пособие пользовалось повышенным спросом. Продвинутое курсы макроэкономики, читаемые сегодня в американских и европейских университетах, все чаще включают изучение тех моделей, которые описывают нестабильность финансовых рынков.

Исследователи, конструирующие продвинутое макроэкономические модели, вполне оперативно осознали все значение тех «несовершенств», «трений» (frictions), которые обнаруживаются в финансовой сфере; «трения» чаще всего мультиплицируют

¹⁴⁵ *Acemoglu D., Ozdalar A., Tahbaz-Salehi A.* Microeconomic Origins of Macroeconomic Tail Risks // NBER Working Paper. 2015. No. 20865.

¹⁴⁶ *Boissay F., Collard F., Smets F.* Booms and Banking Crises // Journal of Political Economy. 2016. Vol. 124. P. 489–538. Вместе с тем, учитывая выявившийся в ходе кризиса не слишком удачный опыт прогнозирования, ряд авторов стал говорить о том, что применяемые банками модели *DSGE* вообще не стоило бы использовать в прогнозных целях (см.: *Edge R., Gurkaynak R.* How Useful Are Estimated *DSGE* Model Forecasts? Federal Reserve Board. Washington, 2011; см. также: *Reis R.* Comment on: How Useful Are Estimated *DSGE* Model Forecasts for Central Bankers? // Brookings Papers on Economic Activity. 2010. Fall. P. 245–253).

¹⁴⁷ См.: *Caballero R.J.* Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. No. 4.

¹⁴⁸ *Mankiw G., Ball L.* Macroeconomics and the Financial System. Worth Publishers, 2010.

воздействие кредитно-денежных шоков. Особенно существенно то, что кризисные экстерналии, выявляющиеся на финансовых рынках, носят отчетливо выраженный эндогенный характер. Десятому Мировому конгрессу Эконометрического общества был представлен обширный доклад М. Бруннермайера, Т. Айзенбаха и Ю. Санникова «Макроэкономическая теория с финансовыми трениями»¹⁴⁹. Авторы показывают, что при определенных условиях нарастающие неравновесия, складывающиеся в финансовой сфере, могут оказаться следствием неблагоприятных технологических шоков, но могут быть связаны и с действием специфических финансовых и монетарных факторов. В последние годы предложены интересные модели банковских кризисов, обнаруживающих нелинейное воздействие на реальный сектор¹⁵⁰. Однако экономическая природа таких нелинейностей и их свойства — особенно свойства, обнаруживающиеся в моделях низкочастотных колебаний, — остаются пока, по-видимому, недостаточно исследованными.

В обзоре отмечается, что прежние исследователи (в частности, Ч. Киндлбергер и Х. Мински) связывали финансовые потрясения с *чрезмерным* напряжением кредитной системы, но подобный подход может «связать руки» Центробанку. По мнению авторов, речь должна идти о том, что именно кризисные условия выявляют *недостаточную* активность публично-правовых учреждений на финансовых рынках; ограниченность частного кредита преодолевается с помощью “public funding”. Таким образом,

¹⁴⁹ Advances in Economics and Econometrics. Tenth World Congress of the Econometric Society / ed. by D. Acemoglu, M. Arellano, E. Dekel. Vol. 2. Applied Economics. Cambridge University Press, 2013. P. 4–94. «Трениями» в современной теории чаще всего именуется последствия асимметрии информации относительно доходов, которые могут принести те или иные инвестиционные проекты.

¹⁵⁰ См.: Boissay F., Collard F., Smets F. Booms and Banking Crises // Journal of Political Economy. 2016. Vol. 124. P. 489–538.

новые теоретические модели финансовых потрясений могут использоваться и для обоснования практических рекомендаций, имеющих достаточно почтенную историю.

Существенный интерес могут представить и результаты анализа механизмов распространения (propagation mechanisms) шоковых потрясений в финансовой сфере. Авторы рассматривают два основных механизма: «спираль обостряющейся проблемы ликвидности» и описанную еще И. Фишером спираль «задолженность — дефляция». В подобных условиях действия финансовых посредников могут вести к значительному обострению кризисной ситуации¹⁵¹.

Другой моделью, оказавшейся в центре теоретической дискуссии, стала модель П. Кругмана — Г. Эггертсона¹⁵². В ней рассматриваются, в частности, причины и возможные последствия снижения финансового рычага (deleveraging) в рамках всей экономики. Описание процесса включает «спираль И. Фишера» и «момент Х. Мински» — снижение кредитоспособности заемщиков и переход к погашению задолженности. В подобной ситуации для поддержания стабильности могут потребоваться отрицательные реальные процентные ставки, тогда как дефляционные процессы могут препятствовать этому и затруднять попытки заемщиков снизить свое долговое бремя. Все это неизбежно порождает серьезные проблемы при разработке действенной макроэкономической политики.

¹⁵¹ Примером нового подхода к исследованию проблемы циклических спадов может служить также макроэкономическая концепция «персистентных спадов», представленная во втором томе «Справочника по макроэкономике» (2016). Как отмечает автор главы Р. Холл, финансовые трения «играют в ней умеренную, но важную роль» (*Hall R. Macroeconomics of Persistent Slumps // Handbook of Macroeconomics. 2016. Vol. 2A*).

¹⁵² *Eggertson G., Krugman P. Debt, Deleveraging and the Liquidity Trap: A Fisher-Minsky-Koo Approach // Quarterly Journal of Economics. 2012. Vol. 127. P. 1469–1513.*

Для конструирования реалистичного и убедительного механизма, по-видимому, требуются более веские микрооснования, обосновывающие неизбежность предполагаемых «трений» в финансовом секторе¹⁵³. Вместе с тем в указанных моделях не отражена одна из важных особенностей финансового кризиса, отмеченная Ж. Тиролем: «теневой банкинг» предоставлял крупные кредиты учреждениям, деятельность которых обнаруживала особую чувствительность к действию политических факторов (“politically sensitive entities”)¹⁵⁴.

Пересмотр приоритетов экономической политики после кризиса выявил еще один важный аспект проблемы: сдерживание инфляции и стабилизация динамики цен в современных условиях может представлять необходимое, но явно недостаточное условие оптимального регулирования¹⁵⁵. Об этом, строго говоря, могли свидетельствовать и опыт «дефляционного» развития японской экономики на протяжении полутора десятилетий, предшествовавших последнему кризису, и вновь развернувшаяся в последнее время дискуссия о длительной стагнации¹⁵⁶.

Наряду с расширением поля макроэкономического анализа существенно меняется и техника эконометрического анализа.

¹⁵³ Указанное обстоятельство с особой очевидностью выявляется в обобщенной версии модели, представленной в: *Benigno P., Eggertson G., Romer F.* Dynamic Debt Deleveraging and Optimal Monetary Policy // NBER Working Paper. 2014. No. 20556.

¹⁵⁴ *Tirole J.* The Contours of Banking and the Future of Its Regulation in the book “What Have We Learned?” MIT Press, 2014. P. 152.

¹⁵⁵ После кризиса стало ясным, что «поведение инфляции оказывается гораздо более сложным, чем предполагалось в наших простых моделях...», — отмечается в содержательной работе: *Blanchard O., Dell’Arizzia G., Mauro P.* Rethinking Macroeconomic Policy // Journal of Money, Credit and Banking. 2010. Vol. 42. Supplement. P. 204.

¹⁵⁶ См., например: *Secular Stagnation: Facts, Causes and Cures* / ed. by C. Teulings, R. Baldwin. CEPR Press, 2014.

Данная проблема требует особого обсуждения; ограничусь лишь ссылкой на главы Дж. Стока — М. Уотсона и Й. Боровички — Л. Хансена во втором томе «Справочника по макроэкономике», а также на недавно опубликованную интересную работу, посвященную природе бифуркаций в макромоделях¹⁵⁷.

* * *

Ранее упоминалась попытка Д. Бегга охарактеризовать новейшие изменения в экономической теории как «революцию рациональных ожиданий» (название книги). Обратимся в связи с этим к более общему вопросу. В какой мере такое понятие, как «революция» («контрреволюция»), может адекватно использоваться для характеристики серьезных изменений в (экономической) теории?

Со времени выхода в свет книги Т. Куна «Структура научных революций» (1962) указанный термин получил широкое распространение во многих науках. В экономической литературе он и раньше использовался в различных контекстах — достаточно вспомнить о вышедшей за 15 лет до «Структуры» яркой книге будущего лауреата Нобелевской премии по экономике Л. Клейна «Кейнсианская революция». «Обсуждаемая в книге “революция” — это революция мысли, а не проводимой правительством политики», — подчеркивал автор¹⁵⁸. По вопросу о возможностях использования в истории экономической мысли концепции научной революции, разработанной Т. Куном, к настоящему вре-

¹⁵⁷ Barnett W., Chen G. Bifurcation of Macroeconometric Models and Robustness of Dynamical Inferences. John Hopkins Institute SAE No. 32. 2015.

¹⁵⁸ Klein L. The Keynesian Revolution. MacMillan, 1947. P. 7. Широкий резонанс получила и вышедшая в свет после книги Т. Куна статья Х. Джонсона «Кейнсианская революция и монетаристская контрреволюция» (Johnson H. The Keynesian Revolution and the Monetarist Counter-Revolution // American Economic Review. 1971. Vol. 61. P. 91–106).

мени накопилась довольно обширная литература¹⁵⁹; как отмечал еще в 1970-х годах М. Де Врэ, «ни одна дискуссия в истории экономической теории не обходится без того, чтобы по меньшей мере один раз сослаться на Куна»¹⁶⁰. В данном сообщении ограничимся лишь некоторыми частными соображениями, связанными с рассматриваемой проблемой.

Начнем с терминологии. Вообще говоря, использование понятий «революция» и «контрреволюция» представляется чрезвычайно привлекательным. Оно предполагает поступательное развитие науки¹⁶¹ и позволяет, в частности, представить процесс развития экономической теории на протяжении прошлого столетия просто как последовательность ряда революций (и контрреволюций). Вполне уместными в ряде случаев могут оказаться и соображения относительно консервативных сил, противостоящих научной революции; в сфере общественных наук подобный конфликт представляется особенно острым. Он обусловлен не только прочной традицией, как правило, складывающейся в со-

¹⁵⁹ Обзор теоретической дискуссии по данному вопросу можно найти в соответствующих учебных пособиях (см., например: *Ekelund R.B., Jr., Hébert R.F. A History of Economic Theory and Method. 6th ed. McGraw-Hill, 2013. Ch. 1*).

¹⁶⁰ *De Vroey M. The Transition from Classical to Neoclassical Economics: A Scientific Revolution // Journal of Economic Issues. 1975. Vol. 9. P. 415.*

¹⁶¹ Некоторые авторы (по-видимому, для большей драматизации сложившейся ситуации) выделяют и довольно длительные периоды регресса. Так, П. Ромер в первом же абзаце лекции “The Trouble with Macroeconomics” пишет об «интеллектуальном регрессе», который на протяжении трех с лишним десятилетий он наблюдает в макроэкономике (см.: <<https://paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf>> (перевод статьи приведен в данной книге)). Выше упоминались и саркастические соображения П. Кругмана относительно «нововведений» в современной макроэкономике. Не требуется разделять в общем понятную запальчивость авторов, чтобы признать серьезность затрагиваемых ими теоретических проблем.

ответствующей науке¹⁶², но и действием других практически важных факторов, порождаемых идеологией, консерватизмом и прочими социально-политическими силами.

Один из вариантов «революционной» периодизации макроэкономической теории в прошлом столетии представлен в интересной статье Р. Вайнтрауба:

- маржиналистская революция [началась еще в XIX в.];
- революция, связанная с появлением эконометрии (Econometric revolution);
- кейнсианская революция (и монетаристская контрреволюция);
- революция рациональных ожиданий¹⁶³.

(Примерно такие же соображения можно найти и в недавно опубликованной статье Д. Лейдлера «Три революции в макроэкономике»¹⁶⁴.)

Приведенная периодизация, по-видимому, обладает определенными достоинствами, четко выделяя некоторые важные вехи в развитии современной экономической теории. И все же подобный принцип периодизации требует по меньшей мере многочисленных оговорок.

Начнем с формальных соображений. Выделение революции предполагает некое упорядочение событий *ex post*, при этом критерии классификации неизбежно зависят от концепции авто-

¹⁶² См.: *Merton R. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / ed. by B. Barnes. Penguin Books, 1972. P. 65–79.*

¹⁶³ *Weintraub R. How Should We Write the History of Twentieth-Century Economics? // Oxford Review of Economic Policy. 1999. Vol. 15. P. 145.* В приведенной схеме намеренно — с целью отсечь «боковые направления» дискуссии — опущена последняя, по мнению автора, революция (“Labour Revolution”).

¹⁶⁴ *Laidler D. Three Revolutions in Macroeconomics: Their Nature and Influence // European Journal of the History of Economic Thought. 2015. Vol. 22. P. 1–25.*

ра. Так, Р. Вайнтрауб и Д. Бегг говорят о *революции* рациональных ожиданий, тогда как М. Уиллис трактует эти перемены как контрреволюцию¹⁶⁵.

Более серьезные вопросы возникают при переходе к содержательному анализу. Общая схема Т. Куна предполагает, что в ходе революции решительно отвергается прежняя система исходных посылок, ее место занимает новая парадигма (хотя в главе, посвященной «приоритету парадигмы», можно найти не очень прозрачную оговорку, согласно которой в узкоспециализированных областях, *subspecialties*, «нормальной науки» революция может не затронуть некоторые традиции¹⁶⁶).

Между тем упоминаемые выше «революции», как правило, посягали лишь на ту или иную трактовку отдельных — хотя и достаточно общих проблем; ставились под сомнение лишь на некоторые из многочисленных посылок теоретической системы. И соответственно, перечисленные революции предполагали утверждение нового подхода в какой-то ограниченной области экономической науки (например, радикально новая характеристика ожиданий в общем, многофакторном и сложном механизме формирования и реализации ожиданий, а вместе с тем установления рыночных цен). В подобных случаях речь, по-видимому, скорее должна идти о некой «локальной» (?) революции, в современных условиях порождающей переход к новому поколению теоретических моделей. И все же «нормальная» экономическая наука явно обладает большей инерцией, большей выживаемостью — «цепкостью» (*tenacity*), по выражению М. Бронфенбреннера.

¹⁶⁵ *Willes M.* Rational Expectations' as a Counter-Revolution // *The Crisis in Economic Theory*. Basic Books, 1981. Аналогично один из вариантов «монетаристской контрреволюции» К. Бруннер именуется «монетаристской революцией» (см. *The "Monetarist Revolution" in Monetary Theory // Weltwirtschaftliches Archiv*. 1970. Bd. 105).

¹⁶⁶ См.: *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. 2nd ed. University of Chicago Press, 1970. Ch. 5.

Вместе с тем и сегодня построения новой классической школы не вытеснили (и не могли вытеснить) альтернативной точки зрения. Им активно противостоят — а в других случаях дополняют — теоретические конструкции новых кейнсианцев и других сторонников невальрасианского подхода. Налицо противостояние и/или взаимодополнение различных подходов (разумеется, при сохранении обширного *общего* «фундамента» экономической науки), интенсивность подобного противостояния зависит от многих условий. Недавний кризис обострил конфликты не только между экспертами, «практиками», участвующими в принятии решений, но и между авторами, осваивающими новые направления и подходы к построению теоретических моделей.

В связи с этим привлекает внимание критика исходной модели «нормальной науки» у Т. Куна. Подобная «наука», по существу, представляет собой, как заметил И. Лакатос, не что иное, как исследовательскую программу, обладающую монопольными позициями. Но монополия такой программы лишь в редких случаях может сохраняться на протяжении продолжительного периода¹⁶⁷. К указанной трактовке, по-видимому, примыкает и весьма распространенная в современной литературе концепция «развилки» (fork), появляющейся при выборе теоретического подхода к решению проблемы¹⁶⁸.

Сам термин «теория» всегда был достаточно многозначным; к настоящему времени этим термином могут характеризоваться обобщения и конструкции самого различного уровня¹⁶⁹.

¹⁶⁷ *Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs // Criticism and the Growth of Knowledge / ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge University Press, 1970. P. 155.*

¹⁶⁸ См., например: *Leijonhufvud A. Episodes in a Century of Macroeconomics // Post Walrasian Macroeconomics: Beyond the Dynamic Stochastic General Equilibrium Model / ed. by D. Colander. Cambridge University Press, 2006.*

¹⁶⁹ Чтобы хоть несколько смягчить «звериную серьезность» тона, появляющуюся при обсуждении действительно серьезных проблем, упомяну,

По-видимому, отнюдь не каждое теоретическое направление может восприниматься как действительно перспективная исследовательская программа, и не каждая инновация в рамках такой программы — как научное *открытие*¹⁷⁰. В рамках перспективной исследовательской программы удастся наблюдать существенное эволюционное продвижение, а некоторых случаях — несомненно радикальные изменения, в которых современники могут видеть не просто продвижение, а «революционное» открытие¹⁷¹. И все же сами термины — «революционное открытие» и особенно «революция» в Экономической Теории («теории с большой буквы») остаются, скорей, яркой художественной метафорой, чем строгой научной категорией.

что на сегодняшнем книжном рынке легко обнаружить книгу о 50 наиболее интересных («способствующих пробуждению мысли») экономических теориях (*Marron D. 30-Second Economics: The 50 Most Thought-Provoking Economic Theories. Icon Books, 2011*). Впрочем аналогичные публикации можно найти и о 50 математических (и других) теориях.

¹⁷⁰ Определение научного открытия обсуждается в литературе, начиная с классической работы: *Merton R. Singletons and Multiples in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // Proceedings of the American Philosophical Society. 1961. Vol. 105. P. 470–486.*

¹⁷¹ Поступательное развитие программы не всегда связано с недавними («действительно новыми») открытиями. Так, потребовалось почти 100 лет, чтобы осознать подлинное значение идей О. Курно. В книге о кейнсианской революции Л. Клейн писал, что в «Общей теории занятости, процента и денег» содержатся идеи, которые сам Кейнс недостаточно осознавал, — идеи, которые смогут полностью выявиться и найти более полное развитие лишь в последующей теории (перед нами, по-видимому, тот случай, когда «революция» грозит стать перманентной и/или особенно тесно переплетается с последующей «эволюцией»...). Иллюстрируя ту же мысль, М. Бронфенбреннер прибег к более рискованному соображению, согласно которым монетаристская (контр)революция, по существу, сопряжена с возрождением — в новом облике — меркантилистской теории (*Bronfenbrenner M. The Structure of Revolutions in Economic Thought // History of Political Economy. 1971. Vol. 3. P. 137–138.*)

Обратим внимание и на временные горизонты рассматриваемых преобразований. Т. Кун чаще всего иллюстрирует свои теоретические конструкции примерами развития физической науки. Классическая физика развивалась на протяжении нескольких столетий, да и со времени формулирования основных принципов теории относительности и публикации квантовой гипотезы М. Планка прошло уже более 100 лет. Что же касается временных интервалов между упоминавшимися революциями в экономической теории — они чаще всего сравнительно невелики. Так, от выхода в свет «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса до публикации важнейшего исследования М. Фридмена «Монетарная история США: 1867–1960» прошло 27 лет, а от этой даты до появления теоретического манифеста Р. Лукаса и Т. Сарджента «После кейнсианской экономической теории» — 16 лет.

Для «революционных» научных открытий нет и не может быть, разумеется, никаких временных норм или предписаний. Как известно, «дух как ветер, веет где хочет» и, по-видимому, когда хочет... Но можно ли полагать, что одного-двух десятилетий достаточно для того, чтобы *вся целостная теоретическая система*, формировавшаяся на протяжении многих столетий, смогла полностью обновиться и предстать в совершенно преобразованном виде (как некая от начала до конца «новая парадигма»)?

Более убедительным представляется мнение Дж. Хикса, который в работе, специально посвященной «революциям» в экономической теории, заметил: мы, экономисты, просто не можем уйти от нашего прошлого наследия. «Рикардо и Мальтус эхом отражаются в Кейнсе и его современниках; Маркс и Маршалл все еще живы...»¹⁷². Разве все эти — и многие другие — авторы не прини-

¹⁷² Hicks J. *Revolutions in Economics // Method and Appraisal in Economics* / ed. by S. Latsis. Cambridge University Press, 1976. P. 207–218. В связи с этим, возможно, стоит вспомнить и соображения Т. Куна, содержащиеся

мали участия в формировании той общей системы («парадигмы»), которая представлена современной экономической теорией?

Тем самым, понятно, никак не исключается, что предпосылки некоторых теоретических моделей могут, как уже отмечалось, оказываться просто несовместимыми между собой, и фундаментальный спор, или, выражаясь более современным языком, конфликт между исследовательскими программами принимает все новые формы (особенно если учесть, что рубежи противостояния все время смещаются, а вместе с тем меняется и реальное содержание терминов, которыми маркируются противостоящие стороны¹⁷³).

Все чаще возникают перспективные новые направления макроэкономических исследований. Особого упоминания, по-видимому, заслуживает также ведущаяся — по крайней мере со времени *Methodenstreit*'а — дискуссия не только о правомерности существования «чистой политической экономии», но и о формах ее эволюции.

* * *

Итак, позади, — а в исследовании некоторых проблем, по-видимому, далеко позади — осталась высшая точка революции, связанной с именем «новой классической теории». Но, как превос-

в последующих комментариях к книге: революции вовсе не представляют собой некие резкие нарушения непрерывности в развитии науки; они напоминают, скорее, биологические процессы видообразования (*speciation*) (см.: *What Are Scientific Revolutions?* // Kuhn T. *The Road since Structure*. University of Chicago Press, 2000. P. 13–32).

¹⁷³ При этом (новая) классическая теория, по-видимому, более склонная к поддержанию традиции, «прирастает» и обогащается особенно интенсивно, постепенно «впитывая» все новые гипотезы и конструкции, в том числе концепции своих прежних противников. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, например, теорию деловых циклов Л. Мизеса — Ф. Хайека с современной теорией цикла, предложенной Р. Лукасом (существенно, что указанные авторы — каждый в свое время — считались последовательными представителями именно классической теории).

ходно сформулировал один из выдающихся представителей этого направления Т. Сарджент: в теории «успех не становится успехом до тех пор, пока он не превзойден»¹⁷⁴.

Что же дальше? Можно ли считать превзойденными теоретические достижения Р. Лукаса и Т. Сарджента? Каких новых «революций» можно ожидать в последующий период? Каковы перспективы развития «мейнстрима» в макротехории и в сфере эмпирических исследований? Надеюсь, что эти вопросы будут как-то затронуты в ходе предстоящего обсуждения.

¹⁷⁴ *Klamer A.* The New Classical Macroeconomists — Conversations with the New Classical Economists and Their Opponents. Harvester Wheatsheaf, 1984. P. 74.